

МОЯ ПОДОРОЖЬ НА ЛЕМКОВЩИНУ

ПЕТРО С. ГАРДЫЙ

И

КОРОТКА ИСТОРИЯ ЛЕМКОВСКОГО РЕЛИФОВОГО КОМИТЕТА В США

ИЗДАНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА
ЮНКЕРС, Н. Й. — 1958.

LEMKO ASSOCIATION
556 Yonkers Avenue Yonkers, N. Y.

**КОРОТКА ИСТОРИЯ ЛЕМКОВСКОГО
РЕЛИФОВОГО КОМИТЕТА В США**

— 0 —

МОЯ ПОДОРОЖЬ НА ЛЕМКОВЩИНУ

ИЗДАНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА
ЮНКЕРС, Н. Й. — 1958 р.

LEMKO ASSOCIATION
556 Yonkers Avenue
Yonkers 4, N. Y.

Коротка История Лемковского Релифового Комитета в США

Лемки на эмиграции в Америкі все памятали за свой родной край. В той ціли, шобы не забыти тот край, они тут в Америкі найперше организовали свои церкви, котры припоминали бы им обряды, с котрыми связаны суть народны традиции и обычаи. Шобы помагати собі взаимно, як брат брату, они творили и объединялися в запомоговых организациях. А шобы ратувати себе перед потопом в чужом морю, организовали культурно-просвітительну политичну и экономичну организацию Лемко-Союз, создали народны газеты. На всі тоты ціли, котры тримали их близко духом к родному краю, лемки жертвовали миллионы и миллионы долларов.

То есть доказ, што они любили свой край и хотіли держати його як найближе к своему сердцу.

То лем есть една сторона нашей народной картины.

Друга сторона картины есть така, што лемки в Америкі помагали материально своим братьям в краю, своим родным, друзьям, сусідам, а часто и таким незнанным краянам, котры о помочь просили. Они помагали им в часі экономичных кризисов, послі стихийных несчастьев природы, помагали подниматися из военных руин. Єдным словом, помагали собі жити. На тоту помочь своим братьям они выдали знова миллионы и миллионы долларов.

То есть доказ, што они любили свой край, свой родной народ и для того му помагали. Таким образом история наша посувалася за послідных 50 літ аж до часу окончания Другой Світовой войны.

По закончению Другой Світовой войны передовы люде нашей эмиграции виділи, што помочь таким порядком долго не може продолжатися. Поединча помочь родны родным, приятелям могут дальше помагати собі взаимно, но така помочь не буде мати впливу на грутовне улучшение положения діл их будучности. Они пришли на то, што тут мусит быти подана планова помочь машинами, инструментами, техником, науком, коопераціом. Но шобы поставити такую помочь организовану помочь на рельсы, необходимым показалося органи-

зование реліфового комітета, котрый включно займав бы ся тими справами. И такий комітет был створений.

В субботу 18 мая, 1946 року зышлися представители Лемко-Союза и Общества Русских Братств в Карпаторусском Народном Домі под ч. 315 Ист — 71 улица в Нью Йорку. Помимо грозящего желізнодорожного страйку, и так собралося высьше 50 передовых людей нашей емиграции. Результатом того собрания был створений Лемковский Реліфовый Комитет, котрый сейчас активно начал дієвувати.

В первый состав директоров Лемковского Реліфового Комитета вошли слідуячы члены: Петро Гардый, Михаил Голлод, Петро Фекула, Петро Смей, Иван Дзвончик, Прот. Йосиф Дзвончик, Прот. Даниил Крегель, Георгий Чичила, Др- Симеон С. Пыж, Антоний Каня, Симеон Галькович, Виктор Гладик, Мария Костик, Иван Адамяк, Прот. Йосиф Федоронко, Ярослав Кобан, Николай Цисляк, Иван Малютич.

Первый уряд Лемковского Реліфового Комитета был избраный на слідуячом засіданію директоров, котрый отбылся в Карпаторусском Американском Центрі в Юнкерс, в неділю дня 2 июня 1956 року. Урядниками остали выбраны:

Петро Гардый, Предсідатель,
Прот. Йосиф Дзвончик, Містопредсідатель,
Георгий Чичила, Кассир,
Петро Фекула, Генеральный Секретарь,
Петро Смей, Финансовый Секретарь,
Прот. Даниил Крегель, Помоч. Фин. Секретаря.

Иван Малютич, Прот. Йосиф Федоронко и Ярослав Кобан — Контрольна Комиссия.

Уж на том первом засіданію директоры от себе зложили в фонд Лемковского Реліфового Комитета 1,600 долл. Первым ділом уряд Л. Р. Комитета звернулся с просьбом до международной реабилитивной организации УНРА, штобы помочь, котра выдаеся из його фондов была справедливо уділена и нашему народу на Лемковщині. Был назначеный цілый ряд місцевостей, котры начали подготовку народных віч и собраний.

От имени новоорганизованного Лемковского Реліфового Комитета на волнах Карпаторусской Программы в Нью Йорку, веденной под руководством Николая Цисляка, в неділю 14-го июля 1946 року была выголошена одозва до всіх лемков, выходцев из галицкой Лемковщины и Пряшевщины — слідуячого содержания:

В Америкі живе ище около 300 тысяч лемков-емигрантов

мужчин и женщин. По своему происхождению они поділены майже по ровной части меже галицком Лемковщином и Пряшевщином.

В старом краю лемки, стыкаючися непосредственно с поляками и словаками, были выставлены на наибольший натиск с стороны тех сусідных народов и чужых правительств. Стисненны на своей бідной гористой території чужыми народностями с сівера, юга и запада, лемки звертали постоянно свои очы на восток — в сторону великой России, от котрой ждали помочи для охранения своей народности и осовбождения с под чужого владычества. Ище от часов австро-венгерского режима лемки признавалися найзавзятійшими и найтвердшыми руссофилами. В перву світову войну лемками были заполнены концентраційны таборв в старой Австро-Венгрии.

Тота стара віра в помочь от восточных братьев определяла и направляла народну роботу лемковских емигрантов в Америкі. Тысячы из них, вырвашыся с австро-венгерской неволи, переходили тут в Америкі из юнии в русске православие и будували русскы православны церкви. Громадне большинство вірников Русской Православной Церкви в Соединенных Штатах составляют нашы лемки. Так само лемки-эмигранты под русским именем организовали свои общества, клубы, читальни и братства.

Послі Первой Світовой войны меже лемками усилилася украинска националистична пропаганда. Лемкам говорили, што не Россия, а Украина може высвободити Лемковщину, бо Россия далеко, а Украина близко. Лемки, котры оставалися в украинских организациях, а головно тоты, котры належат до галицкой униатской церкви, зложили соткы тысяч долларов на ріжны украинскы ціли.

За цілый час свого пребывания в Америкі, а то перешло 60 літ, лемки-эмигранты не организовалися сами для помочи своему власному краю, своей Лемковщині и своим братьям лемкам. Эмигранты из галицкой части Лемковщины вірили, што их край есть тісно связанный с Восточном Галичином и Львовом, и што коли Восточна Галичина буде вызволена из под чужого владычества, то разом с ньом поїде и Лемковщина. А снова выходцы из Пряшевщины вірили, што Подкарпатска Русь и Пряшевщина, то есть една территория, Закарпатска Русь, и што вся разом буде освобождена.

Но вполитикі не все удаєся то провести, што народ вірит. Так случилося и с нашим родным краєм Лемковщином. Завдякы великым историчным побідам Красной Армии всі славянскы народы были вызволены из вікового німецкого раб-

ства. Но при установлении границ меже славянскими народами Восточна Галичина по ріку Сан и Подкарпатска Русь были присоединены к своей национальной державі, к Совітскому Союзу, а Лемковщина за Саном и Пряшевщина были оставлены в чужых державах. Так всі лемки, як по одной, так и по другой стороні Карпат остались за преділами своей национальной державы Совітского Союза.

Лемкам, оставленным в Польші, было предложено добровольно переселиться до Совітского Союза в обмін на тых польских колонистов, котры переселилися с восточных кресов до Польшы. Большая часть наших братьев и сестер записалася добровольно на переселения. Хоц жаль им было лишати край своих предков, но они порозуміли, што лучше жити в своей народной державі, як под поляками. А тых, што из привязанности к своей землі хотіли остатися в своих селах, польскы власти выганяют насильно, або кажут им принимати польский обряд и отказатися от своей прадідной віры и народности. До того ище в наших горах скрылися по войні остатки фашистских банд, украинских, німецкых, польских и других. Тоты банды забирают селянам послідну поживу, мордуют людей, выпалюют цілы села.

На Пряшевщині под чехословацкым демократичным режимом нашим братьям жиєся без поровнания лучше, як по польской стороні границы. По крайной мірі там не выганяют их насильно из их хат, дают им якусь охорону житья и маєтку, признают им права на свою народну школу и культурне развитие. На Пряшевщині, кто жєлає переселиться до Совітского Союза, то иде добровольно, без насильства со стороны місцевых властей.

По обох сторонах Карпат много сел было выпалено и розбито в часі войны, коли там переходил фронт. Народ был ограбленный німцами до послідной сорочки и оставленный без средств до житья. Тысячы молодых людей, особливо с галицкой стороны, были вывезены на примусовы работы в Германию. Из них велика часть до сих пор находится в таборах для біженцев под американском и английском оккупациом, где польскы и украинскы фашисты ведут меже ними свободно злбну пропаганду против их власных братьев и против повороту к родинам.

В таком трагичном положении нашолся наш народ в родном краю послі той страшной нищительной войны. Мы всі получаме письма от близкой родины зо всіх концов Европы и всі благают о помочь. Они звертаются до нас, своих крайнов в Америці, бо чувствуют, што в таком несчастью свои повин-

ны помочи найперше из послідных сил, а потом просити помочи для них и от других. Если мы лемкы емигранты не объединимся теперь и не покажеме ділом, што дбаеме за свой родный край и за свой народ, то мы не маеме права просити, штобы други им помагали.

Мы в Америкі должны собі сказати щирю правду, што мы всі мало дбали за свой родный край, за його освобождение. Мы лем вірили и ждали, што други його освободят и спасут. Кто из наших лемков жалуе и нарікат ныні на Совітску Россию, або на Совітску Украину, што они лишили Лемковщину под чужыми народами, або кто помеже других глядат виновников несчастья, звалившогося на наш родный край, тот най ударит себе в груди и най спросится сам себе: а што я сам зробил для своей родной Лемковщины за цілый час своего життя на американской земли? Ци я старался, штобы церковь, до котрой належу, с ей митрополитами и епископами, упоминалися о Лемковщину? Ци я старался, штобы то робила каждая организация, до какой я належу?

Но теперь не час вспоминати стары гріхы, а треба всім вставати до работы и помочи тым лемкам в старом краю, котры не здрадили свой народ, котры стояли и стоят за родный край, а котры теперь находятся в безвыходной нужді.

Дорогы братья и сестры, наши передовы люде в Нью-Йоркской околиці дали початок такого объединения лемковской емиграции для несения помочи нашему народу в старом краю. На собранию представителей наших организаций 18 мая с. р. в Нью Йорку был организованый Комитет Помощи лемкам в старом краю — Лемко Релиф Комити, и было выбрано 17 директоров того Комитета. Потом 2-го июня на первом засідании директоров того Комитета было выбране Правление, котрому припоручено предприняти старания, штобы найти способ для оказания быстрой помочи всім нашим братьям в старом краю.

1). Тым, котры переселилися до Совітского Союза;

2) Тым, котры остались на своей родной земли не по той причині, што слухают фашистов и ненавидят Совітский Союз, а лем из природного чувства привязанности к родному місту;

3) Тым, котры находятся ище в таборах для біженцев в Германии, а мают охоту вернутися до родного краю.

Правление Комитета уж подало прошение Совітскому Правительству, штобы пакункы от наших людей в Америкі для их близкой родины, переселившойся на территорию Совітской Украины, были освобождены от цла и других оплат.

Правление Комитета послало также делегацию в головний офіс УНРРА в Нью Йорку и требовало, чтобы помощь от УНРРА в Польщі розділялася справедливо всім нуждаючимся. Наша делегация звернула увагу представителів УНРРА на то, што польскы власти отрізали наш народ на Лемковщині цілковито от помочы из фондов УНРРА.

На том засіданію 2-го іюня было так само рішено звернутися с призывом до всіх лемков-емігрантов в Америці, штобы каждый еден выполнил свой патриотичный обовязок взглядом своего родного краю. Было рішено объявити всеобщу кампанию для сбора жертв в грошах, одежі, земледільских знарядях, зерні и других продуктах на помочь нашим братьям. Сбор одежды и других материалов начнется, коли буде обеспечена посылка тых річей до старого краю.

На засіданію Правления и Директоров Комитета 7-го іюля было рішено объявити перву 5-ти місячну кампанию по сбору грошевой помочи. Кампания начнется 1-го августа 1946 року и буде продолжаться до 31-го декабря 1946.

На засіданію был принятый такой проект, штобы каждый эмигрант в Америці в той всенародной кампании зложил жертву от себе в суммі стілько долларов, скілько літ он прожил в Америці. Напримір, кто прожил 25 літ в Америці, штобы теперь на помочь своему народу жертвовал 25 долларов.

Лемковский Релифовый Комитет складатся из слідующих урядников и директоров:

Предсідатель — Петро Гардый, Бриджпорт, Конн.

Містопредсідатель Прот. Йосиф Дзвончик, Вайтстон, Н.Й.

Кассир — Георгий Чичила, Линден, Н. Дж.

Финансовый Секретарь — Петро Смей, Филадельфия, Па.

Ген. Секретарь — Петро Фекула, Нью Йорк, Н. Й.

Помоч. Ген. Секр. — Прот. Демьян Крегель, Байонн, Н. Дж.

Директоры:

Михаил Голод, Олифант, Па.

Иван Дзвончик, Филадельфия, Па.

Д-р. С. С. Пыж, Юнкерс, Н. Й.

Симеон Галькович, Гарфильд, Н. Дж.

В. П. Гладик, Нью Йорк, Н. Й.

Мария Костик, Пассайк, Н. Дж.

Иван Адамяк, Бруклин, Н. Й.

Прот. Фосиф Федоронко, Терривилл, Конн.

Ярослав Кобан, Юнкерс, Н. Й.

Николай Цисляк, Нью Йорк, Н. Й.

Иван Малютич, Юнкерс, Н. Й.

Контрольна Комиссия: Прот. Йосиф Федоронко, Ярослав

Кобан, и Иван Малютич.

При выше указаном воззвании, помещенном тоже в газеті “Карпатска Русь”, Правление Лемковского Релифового Комитета отозвалось с слідующим призывом:

Дорогы краяне! Перед нами началась велика и важна работа для спасения своих братьев в старом краю. Просиме всі парафии, братства и другы организации, а также каждого нашего краяна отдільно поддержати всіми силами тоту работу, штобы перва кампания на помочь лемкам в краю кончилась наилучшим успіхом. Лемкы в Америкі помагали всім, а теперь организуют помочь своему народу, своему родному краю. Мы віриме, што не буде такого лемка емигранта, котрый бы уклонился от помочи своему народу. Віриме также, што и наша американска молодежь поддержит тоту благородну работу на помочь родному краю своих отцов и матерей.

Подобны призывы начали появлятися и в газеті “Карпатска Русь”.

Живущий в тоты часы в Нью Йорку сотрудник официальной правительственной газеты в Варшаві Стефан Радванский, слушаючи нашу Карпаторусску Радио Программу поинтересувался не лем том роботом, яку лемкы провели в часі войны, но тоже и предложениями Лемковского Релифового Комитета. Для подробного ознакомления он запросил віщателя Радио Программы Николая Цисляка для ширшого пояснения планов помочи родному краю Лемковщині. Послі общого совіщания Николая Цисляка с Д-ром С. Пыжом, така встреча отбылася в його офісі в Нью Йорку.

В нашей бесіді он выразил велике удивление о громадной активности лемков в часі войны и о тых великих жертвах, якы лемкы складали при всякой нагоді, для помочи нашему американскому союзнику — Совітскому Союзу. Дальше його интересовало, яку помочь из Америки мы можеме представи своему лемковскому народу в материалах, машинериом, живыми специалистами. На то он получил такой отвіт:

Теперь по окончению войны против фашизма, всі лемкы готовы дати, як найвысшы жертвы своему народу для його отбудовы краю. Наши надіи все были, што Лемковщина буде прилучена по своей национальности до своей матери Руси, безоглядно, ци то буде посредством Украины. Судьба, видно, рішила иначе, но лемкы и с тым годятся, тым больше, што погиб фашизм, то при социализмі наши лемкы надіются получить, яку-таку народну автономию, хоц на столько, штобы могли выховуватися в традициях своих предков и сохранить свой материнский язык, на котрый каждая народность на світі,

особливо при соціалізмі повинна мати забезпечене право. Якщо то станеся, то наші лемки з великим ентузіазмом готові зібрати около п'ять мільйонів доллярів організованої помочі на покупку машинерії для нового господарства і можна припустити, що в край вийде найменше около три тисячі молодих іще, а добре кваліфікованих во всякій індустрії лемков з своїми родинами. Такі родини мають відповідні зо собою капітали, мають дітей учених, мають родичів забезпечених пенсіями. Вони люблять би дожити свої літа в рідному краю і бути похороненими коло своїх отців і дідів.

Стефан Радванський старанно рекордував наш розговор, питання і відповіді на брел, алфаветі сліпців, він був незрячий. Приобіцяв однак, що рапорт із нашої зустрічі, коли буде напечатаний в крайових газетах, постаратся мені передати. Яка судьба зустріла рапорт нашої зустрічі і самого Радванського, я і до днес не зміг довідатися.

Робота Лемковського Реліфового Комітету приймала широкий розмах. За примірно короткий час було зібрано близько 4 тисяч доллярів. Начато великий збір одягу, котра через директора Л. Р. Комітету Симеона Гальковича в Пассайку почалася відправляти на Лемковщину. Назначені численні збори Л. Р. Комітету, крім одного в Пассайку, уже не змігли відбутися. Ударила в Америку невірогідна відомість о масовому виселенні лемков, найперше в Союзний Союз, потім насильне і не людського характеру виселення лемков в Западну Польщу. Всі старання в'яснити справу були даремні. Д-р С. С. Пыж звернувся особисто з проханням о на-тихмістове справлення кривди лемков на С'їзді Славянського Комітету, котрий відбувався 20, 21 і 22 вересня того року в Нью Йорку. Но в Славянському Комітеті єдиний Георг Пиринський Секретар, і представителі польської газети із Детройт були готові розібрати діло, що, бути може, була допущена деяка помилка над лемками. Но всі решту, меже ними і руськи і українськи братя, з котрими ми так кріпко кооперували в часі війни, з гнівом заявили, що "в Польщі тепер єсть соціалізм, а при соціалізмі під керівництвом Сталіна помилок не буває". Навет єдинственний карпаторусський діятель меже лемками, вийшов на той час за двері, щоб не підтримати поднесеної Д-ром Пыжом справи.

Після урядових змін в Польщі і поновному приході до влади В. Гомулки, почалися нові порядки. То дало нову надію нашим лемкам в краю на виправлення їх кривди, і та надія пробудила і нашу еміграцію в Америці, а з тим оживила діяльність Лемковського Реліфового Коми-

тета. Так 31 марта 1957 року Предсідатель Петро Гардый созвал засідание директоров Л. Р. Комитета, на котром был пополненный состав директоров Комитета. На том то засіданию директоров на місце упокоиившихся директоров Л. Р. Комитета были добраны новы лица, а то: Д-р С. С. Пыж, Юнкерс, Н. Й., Стефан Геренчак, Джерзи Сити, Н. Дж., Николай Цисляк, Кливланд, О., Симеон Галькович, Гарфильд, Н. Дж., Иван Адамяк, Бруклин, Н. Й., Андрей Грабский, Юнкерс, Н. Й., Тимко Фецица, Юнкерс, Н. Й., Йосиф Фрицкий, Кларк, Н. Дж., Стефан Шкимба, Балстон Спа, Н. Й., Прот. Роман Саміло, Честер, Па., Николай Буберняк, Филадельфия, Па., Прот. о. Даниил Крегель, Ельмира, Н. Й., Петро Лялюх, Мейфильд, Па., Даниил Сысак, Ист Медов, Н. Й., Прот. о. Йоанн Борух, Бургав, Н. К., Стефан Телеп, Мейфильд, Па., Прот. о. А. Шлепецкий, Ст. Клейр, Па. и Симеон Фетчина, Филадельфия, Па.

Выбрано тогды Петра Гардого предсідателем, Прот. Йосифа Федоронко Секретарьом и Ивана Малютича Кассиром.

Тото засідание директоров Лемковского Релифowego Комитета рішило приготовити меморандум Польскому Правительству с просьбом о позволение поворота лемков в родны Карпаты, с требованием вознаграждения кривд, запричиненных нашому народу и наділенья лемков належными им народными правами розвиватися в своих прадідных традициях. Если то буде выполнено, **Лемковский Релифовый Комитет в кооперации с другими карпаторусскими организатиями постаратся приготовити отповідну организовану помочь в виді машнерии для механизации сельского господарства на Лемковщині.**

Помочь така могла бы сягнути єдного миллиона долларов, кромі другой помочи родина родины, єдносельчане єдносельчанам. В родный край были бы организованы группы посітителей, котры в часі своих вакаций, шторочно оставляли бы громадны суммы грошей, а тоже на постоянно жительство вышло бы ище тысячи добре загосподареных стариков, котры кромі того, получали бы свои старечы пенсии.

Меморандум начал приготовлятися, а тымчасом от имени Лемковского Релифowego Комитета было послано письмо в Польску Амбассаду о принятие нашей делегации. Польска Амбассада долго молчала. Дня 10 июня помер Д-р С. Пы, но отповіди не было. меморандум остался ище лем в рукописи.

О тыждень по похоронах Д-ра С. Пыжа было выслано телеграфично нове требование о аудиенцию делегатов Лемковского Релифowego Комитета. И на тот раз отповіди не было. Так 25 июля 1957 року Предсідатель Петро Гардый, Секретарь Прот. Йосиф Федоронко и Редактор газеты "Карпатска Русь"

Николай Цисляк, вышли в Вашингтон в Польске Представительство. Прием наш был дуже трудный. Амбассадор не изволил нас встрітити. По уплыві години часу припоручил Другому Секретарю Амбассады Яну Витеку, родом от Грибова, выслухати предложение Лемковского Комитета. Сам меморандум потребувал даяких змін, а финансова сторона больше точного плану. Так на силу отворены двері в Польску Амбассаду остали отворены для нас на дальшу будучность.

19-ый Головный Съезд Лемко-Союза, отбывшийся 31-го августа и 1 и 2 сентября 1957 року в Юнкерс, Н. Й., выслал свою резолюцию Польскому Правительству о требованиу повороту лемков в родны стороны, затребувал дозволения приїзду в Польшу делегата Лемковского Релифового Комитета с заявлением, што Лемко-Союз поддержит финансову сторону помочы отбудовы родного краю лемков. Послі того 18 сентября 1957 р. выше упомянута делегация вылетіла обратно в Вашингтон в Польску Амбассаду, где лично был переданный и принятый меморандум Лемковского Релифового Комитета, а Предсідателю Петру Гардому был врученный паспорт для його посещения Польши. Через місяц, дня 18 октября, Петро Гардый вылетіл в Польшу. При том он посетил и Советский Союз. Його подорож подробно описана в сей книжечкі. Нам ище завчасу судити о успіху, або неуспіху той його благонаміренной миссии. На то отвітит сама история, будущы события. Єдно уж теперь ясне — он выорал лемковску справу наверха и она николи не погибне.

В часі його посещения Польши и послі так Польский Сойм, як и воеводскы и повітовы Рады принимали ріжны иншы рішення относительно заселения и господаркы на Лемковщині. Воеводскы Рады рішили надати вічны права власности осадникам, котры никым не сміют быти нарушены. Незаняты ище господарства и дома по лемках рішили заселити гуралями. Им навет строили новы дома, гарантували пожичкы, водили их на Лемковщину на отвидины, вели заохочуючу кампанию для поселения. За тот час держали Лемковский Релифовый Комитет в Америкі без отвіту, а лемкам на Западі Польши не позволяли вертатися на Лемковщину. В своих поспішных кампаниях для заселения Лемковщины не вспоминали совсім о лемках, у них они уж “не существовали”. Говорили лем о украинцах, но для них оставили отворены двері на Украину, если в границях Польши им не плужит. Патриархальный властитель той территории лемко остал всіми урядниками забытый. О него забыли повітовы и воеводскы рады, о него

навет забул сіъзд Польской Академии Наук, котрый отбывался в Перемышли в осени 1957 року, о нем забул Сойм.

Но в людском житью и в истории народов звычайно так быват, што где несправедливо нарушают волю природы, там сама история приходит рѣшати судьбу. Подобно, история вмѣшалася и тут. Пришла весна 1957 року, но гурале, честь им, не пішли по лемковску землю. То была така оглушительна лекция, против котрой не найдете права. История перечеркнула всі тоты нездарны рѣшения воєводской и других Рад. Они же были вынесены в противном духу до Квітневой Ухвалы ПРП, котра хотѣла открыти двері лемкам для свободного повороту в свои родны стороны.

Днешні народы заводят социализм в своих державах для того, абы позбытися примусовой эмиграции, переселения и национального гнету. Социализм дає возможность народам розвивати свою культуру и благобыт у себе в дома. Часы, коли нужда гнала народы на эмиграцию за гляданьом хлѣба—минули. Массова эмиграция, то минувша эпоха.

В социализмі народы нашли полну демократию для социального и национального развития. То єсть система для великих и для малых народных групп. Инакшых социализмов не быват. Лемкы длятого боролися и працювали для социализма, абы в нем найти свободу, а не неволю и примус. Они знают, што им належится право на социальне и культурне развитие на своейой земли и длятого того права домагаются. Они добьются своего, без огляду, сколько то возме труда и часу, бо за нима стоит правда и история.

РЕДАКЦИЯ.

1

Петро С. Гардый

ПЕТРО С. ГАРДЫЙ

МОЯ ПОДОРОЖЬ НА ЛЕМКОВЩИНУ

МОЄ ЖЕЛАНІЕ

Всім Вам відомо, што я рішил виїхати до краю на нашу родну землю и отвідіти наш народ, котрый остался жити в Польской державі на Лемковщині, так и тот, котрый был насильно переселеный на земли, отзысканы по німцах.

Я рішил отвідіти родный край и народ послі многих літ мого житья на емиграции в Америці. Мене тягла сила любви до родного краю. Примусіла мене моя совість к тому, и я рішил сам лично переконатися и вирішити діло помочы родному краю. Я постановил на власны очы увидіти положение, в яком жиє наш народ, наши родны братья, сестры и вся друга родина и переконатися самому, ци есть возможность помочи йому. Если есть така возможность, то треба ~~выйти~~ из пустых бесід о ратунку и помочи им, бо обіцянками народ вічно жити не може.

Я все вірил и вірю в силу и любовь нашего народа, в його жертволюбие. Я знаю, што мы всі гордимся народом, с котрого походиме, радуемєся його счастью и болиєме над його кривдом. У нас есть тот прекрасный звычай помагати друг-другу, ци то в радости, ци в смутку и потребі. И всіх нас радуют успіхы достижения в культурных, економичных ділах, як тоже в ділах религийной и душевной свободы.

В свою подорожь я рішил взяти мою любиму и вірну супругу житья Анастасию, штобы разом ище раз в житью увидіти родны стороны, тоты горы Карпаты, котры все стоят нам перед очами и каждый день, от рана до вечера, о них вспоминаме. Там осталися наши стары, похилы к земли, курны хаты, в котрых наша мати кормила нас своими грудьми, співала нам и ласкала, а потом учила нас жити честно и справедливо, любити церковь, до котрой мы ходили молитися Богу и учитися любити друг друга, штобы нам было лучше жити на земли. Там осталися забыты могилы наших отцов, дідов и прадідов с похилыми крестами. Теперь тоты могилы заросли диком травом, в котрой там дагде видніє дробный, як звіздочка, цвіток. Он як бы усміхался до солнца и передавал слово, што в низу под його коренями спочиває тіло,

котре прагло для нас всего налуїлучшого. А тепер там ніт нікого ополоти и очистити могилу от буряну и дикой травы и засадити цвіты, завісити вінок на кресті.

Кругом могилы нашого отца и матери спочивают наши братья и сестры, близша и дальша родина, друзья и знакомы, с котрыми мы бавилися в нашем молодом віку, співали веселы пісни, танцювали и веселили нашу молоду жизнь.

Нам хотілося видіти життя в наших горах, но они без нашого народа стоят мертво, як бы ждали на своих господарей, што там на выгнанью в чужых сторонах тоже тужат за своими горами, за каждым вершком, за каждым стежком. Их життя интересовало мене и вас всіх интересує. Интересує нас всіх их будучность, их счастье, розвой культуры, добробыта, свобода их традиции и их религии.

Много я думал о том, як бы мож звернути увагу польского народа, того самого, с котрым лемкы вязали свою судьбу, разом боролися за свободу, за сохранение нашого славянского життя под солнцем. Мі хотілося знати, ци польский народ, діливший свою судьбу с нами соткы літ, задоволенный кривдом нашого народа, и ци нашол в том счастье для себе. Ци тота земля, хаты, стодолы, господарске знарядя и машинерия, што наши люде мусіли оставити, зробила их богатыма. Ци засытило их тото зерно в сусіках и огородовина в пивницях, котру не дали можности лемкам забрати зо собом. Хотіл ем знати, ци тым поступком Польске ~~Правительство~~ поднесло свою державу материально, ци забогатило ей економично. Хотіл ем знати, ци направду польский народ требовал того куска лемковской земли, котра была плекана соткы літ нашими предками.

Мі хотілося знати и то, на яком учению социального строя, ровности и справедливости для робочого життя была рішена в такий способ судьба нашого народа. За яку зміну социализму их обвинено и покарано, и где суть доказательства, котры бы можна прийняти за сгодны с людским понятіем. Мы знаме, што коли обвиняют человека в зраді, то все есть суд для рішення справедливости, котрый выдає вирок кары, або осправедливляє обвиненного. Ци сталося так с нашим народом, и ци была тут примінена законна справедливость к нашому народу, котрого засуджено и выкинено из родной земли? Бо если народ виноватый, то должен знати за што он суджений и караный, а если не виноватый, то должен быти освобожденый и вынагородженый за його кривду. Если наш народ до днеска не нашли доказу вины, то чом держат

його под арештом, отбирают му право власности, котре гарантують свому польскому народу?

Я не можу розуміти такого соціального строя, котрый бы был созданий только для защиты порабощенных народов, а тут отберати му свободу, насильно вынародовляти? Я в том не виджу спасения польской державы, ани укріплення соціального строя.

И потому я выїхал до Польши, штобы то лично узнати, як от нашего народа, так и от польского правительства, котрому отдана його судьба. И наконец, ми хотілося знати, што польске правительство думат дальше робити с лемками, як дальше оно планує будувати свою державу, поневоляючи наше народне меньшинство.

НАСТАЛИ НОВЫ УСЛОВИЯ

Коли настала переміна в Польском Правительстві, котре озаглавил Секретарь Коммунистичной партии Польши Владислав Гомулка, наш покойный теперь Д-р С. С. Пыж запримітил, што в Польші настанут такы условия, в котрых буде можна упомнутися о народны права и направление кривд несправедливо выселеного из свойой земли Лемковского народа. Он знал, што до Правительства вернули люде, котры жили с нашим народом весь свой вік, знают успособление, трудолюбивость и характер лемков, и што тоты люде в Правительстві, ради економичного и политичного укріплення свойой державы, зробят всьо можливе, штобы лемкам дати свободу, а в свою очередь получают от них полне довірие и економичне поднесение. Лем задоволенный и свободный народ може быти таким пожиточным державі. Пришли до власти люде, котры тоту мудрость розуміют, — говорил пок. Д-р С. С. Пыж.

И длятого же, Д-р С. С. Пыж и с ним и другы виднійшы люде рішили, што настал час отновити житье Лемковского Релифового Комитета, котрый был основанный в той самой ціли десять літ тому назад, и начати діятельность, котра довела бы до окончательного вирішення судьбы нашего народа в Польші.

Всім извістно, што польский народ, если бы нашолся в нашем положению, не оставил бы свою судьбу на произвол, а всіми способами домагал бы ся своих прав. Он не позволил бы унижати свое национальное меньшинство никому. Он глядал бы свойой правды. Такое саме право глядати свойой правды маеме и мы лемкы.

Будучи председателем Лемковского Релифового Комите-

та, по нараді с передовими людьми в нашій еміграції, я рішив скликати собрание членів того Комітета, котрі ще осталися в живих. Собрание состоялось в городі Юнкерсі с початком сего 1957 року. На том собранію было рішено отновити діяльність Лемковського Реліфового Комітета, составлено програму, и выбрано новий состав членів правління. Першим кроком нашій діяльності было постановлено выслати делегацию нашого Комітета до Представителя Польського Правительства в Вашингтоні и там совместно подробно выяснити положение нашого народа, справи його виселения, його днешних проблем и желание поворота в родинні сторони в Карпати. При том было установлено, што если в результаті нашій зустрічі Польське Правительство выполнит желания лемковського народа, то есть — розрешит йому поворот, покрыв кошта повороту и обеспечит их бодай якими початками до нової господарки, то Лемковский Реліфовый Комитет прийде організованным способом до помочи. Лемковский Реліфовый Комитет, маючи за собом симпатии и желания, можна сміло сказати, всей нашій еміграції из зеленых Карпат, на ціль отбудовы Лемковщини, може організованным способом собрати еден миллион долларов, за котру то сумму будут покуплены материалы и машинерия, потребна при отбудові знищеного войном и десятилітним виселением родного краю.

Длятого то пок. Д-р С. Пыж написал письмо в Польску Амбассаду в Вашингтоні с просьбом о уділение ауденции делегатам Лемковського Реліфового Комітета, а тым часом подготовил просьбу-меморандум, в котром изложена жалоба о несправедливом виселению, просьба о поворот лемков до Карпат и предложение організованной помочи.

Долго мы ожидали отвіта из Польской Амбассады в Вашингтоні, но Комитет наш того отвіта николи не получил. Тым часом Д-р С. С. Пыж неожиданно помер. Слідуючого дня послі похоронов Д-ра С. С. Пыжа я рішил довідатися, чом Польский Амбасадор не дал отвіта. Вопрос был посланный телеграфично. Минуло знов три неділи, но отвіт николи не был полученый.

ПЕРВА ПОІЗДКА В ПОЛЬСКУ АМБАССАДУ В ВАШИНГТОНІ

Так дня 25-го июля сего 1957 року я, Петро С. Гардый, Прот. Йосиф Федоронко и редактор газеты "Карпатска Русь" Николай Цисляк, зашли мы лично в Вашингтон к Польско-

му Представителю, аби ознакомити його с программом нашого Комитета.

В Вашингтоні повозчик вмісто в Польску Амбассаду по ошибці доставил нас в Польске Консульство. Мы спросилися за Амбассадором. Нам сказали, што он поміщаея в другом секторі города, но занятый и прийома не може уділити. На нашу просьбу он уполномочил другого секретаря Амбассады Яна Витека выслухати нашу потребу. По довшом розговорі нам стало ясно, чом Польска Амбассада не отвітила на письмо Д-ра С. С. Пыжа. Он пояснил, што в Амбассаду приносят и присылают много всяких резолюцій и меморандумов, котры частійше, як ніт, никого не представляют, ани ниякого доброжелания в собі не содержат, просто безцінне папіря.

“Мы знаме о том, — сказал Ян Витек, — што лемкам была зроблена кривда, но не мы были в тот час в Правительстві. Выселение лемков днеска так болит вас, як и нас, оно не служит ани добру лемков, ани поляков. Но из вашей бесіды виджу, што вы идете к нам с добрым намірением помочы, и тото добре намірение може дати нам добры результаты. Приготовте нам, кромі меморандума, конкретны предложения вашей помочы, а я подготовлю для вас встречу с Амбассадором, где всі точки будут подробно розобраны и согласно их вартости — оцінены”.

Том нашом зустрічом нам были отворены двери к дальшым переговорам нашей діятельности.

ПЕРЕДАЧА МЕМОРАНДУМА Л. Р. К.

На основі той зустрічы, нами была приготовлена подробна программа нашей помочы и приключена к меморандуму о позволение лемкам на поворот в свои родинны села. Так дня 11 октября мы три высше упомянуты, вылетіли аеропланом обратно в Вашингтон к Польскому Представительству для окончательной передачи Меморандума-Просьбы-Программы, котра была принята для провірки Польским Правительством в Варшаві.

В часі нашего присутствия в Польском Консульстві випадково принимали своего Министра Заграничных Діл Адама Рапацкого, котрый был увідомленный о присутствии лемковской делегации. То была велика новость так для него, як и для нас.

При нашей визиті в Конзульстві мі была вручена виза для посіщения Польшы и переданы дуже потребны рекомендации, што до зустрічы отвіственных представителей Поль-

ского Правительства, котры могут способствовати мойой миссии.

Того самого дня наша делегация была принята в Совітской Амбассаді, где мы были любезно зустрічены секретарями Ю. П. Лехановым и Н. И. Курочкиным и мні тоже была вручена виза для посіщення Совітского Союза. Меже иным, мы порушили діло о безцловой посылкі пакунков помочы лемковским переселенцям в Совітском Союзі. (Всі упомянуты документы были уже печатаны в наших газетах “Карпатской Руси” и “Правді”, так што не конечным есть их повторяти.

ВЫІЗД В ПОЛЬШУ

В пятницу 18-го октября о 4-ой годині послі обіда мы выіхали аеропланом до Польшы. На аеродромі я замітил знакомого и для мене интересного человека, што іхал також до Польшы. А то был сам министр иностранных діл Адам Рапацкий, с котрым так радо я хотіл познакомитися в польском консульстві в Вашингтоні.

Коли мы входили до аероплана и забирали свои назначенны міста, то на мое счастье його кресло было назначене зараз за моим, были оба в сусідстві, а подорожь через воду буде тривати 12 годин, то буде дость часу вспомнути и обговорити наши sprawy.

Я не тратил дорогого часу, представил себе и обьяснил йому мою ціль, што до мойого выізда в Польшу. Я предложил йому нашу просьбу до правительства и программу помощи нашому народу, котрый хоче вернути на свои земли из земель Шлеска и Поморья.

Розговор меже нами был дуже интересный и оживленный. Сам министр Адам Рапацкий есть дуже добре ознакомленный с положением нашего народа на землях польской державы.

Программа котру я йому предложил, його дуже заинтересовала и мы ей разбирали по параграфам, точка за точком, слово за словом. По його розговорі можна было порозуміти, што наша просьба и программа была йому знана, и я увіренный, што амбасадор и консул разом с министром обсуждали уже наше предложение.

Што до самого министра Адама Рапацкого, то можу сказати, што он представляе собом старый польский народ. Сам он высоко ученый и дуже либерального переконания. Не показуе в собі ненависти и национальны вопросы рассуждал мудро и справедливо. Родился он во Львові и покончил там свои школы. Есть дуже добре ознакомленный с политиком

нашого народа, а переважно була йому знана добре робота многих українських проводирів под час германской оккупації Восточної Галичини, Лемковщини и Польши. Их поступки были глубоко вкопаны в його сердце, так як он считае себе добрым славянином и социалистичного переконання и он служить всім народам, проживающим на теренах польской державы и стараеся улучшить их долю, выкоренити глубоко вкопавшийся в польский народ шовинизм, який есть дуже шкодливый в социалистичном строю. По розговору сам он сильно преданный идеи ровности и ненавидит других способов для установления нормального життя, економичного розвою всіх народов, заселяющих землю польской державы.

Мене приятно удивило, коли он предложил мі услуги своего приватного секретаря, Ришара Майчика, для установления контактов с ріжними правительственными отділеннями и людьми, што завідують ними.

Также посоветовал мі, штобы я насаперед познакомился с положением в краю, вынанял собі автомобиля и об'їхал польский край, где наш народ жие, навязал с ним контакты и срозуміл положение, не только нашего народа, но и польских людей, што живут на Лемковщині. И коли то зроблю, то тогда сможу лучше застановитися, як повести роботу, штобы не наразитися на неприятности. Послі мойого об'їзда я переконался, чого он мі так советовал, бо в правительственных отділеннях, повітовых и сельских урядах находится ище велика масса ярых шовинистов, и наразі не есть возможным выкоренити их с отвітственных должностей, бо суть меже членами партии и оттуда треба буде начати роботу.

Коли наш аероплан летіл понад польску территорию до Варшавы, он знакомил мене с містами, где происходили завзяты бои меже советском армийом и гитлеровскими армиями, котры ставляли завзятый опор и кидали в бой всіх молодых и старых, штобы задержати напор советской армии.

С далека показался город столичный — Варшава. За десять літ тяжкого труда ище видно сліды страшного знищення того города, бо всі дома, историчный музей, другы культурны и правительственны дома были динамитованы німцами, знищены до фундаменту. Так город ище по сегодняшний день показуе дуже бідный вид, хотя там живе уже повыше одного миллиона жителей.

Скоро машина начала спускаться вниз, он мі пожелал самых лучших успіхов в нашей роботі. На него ждали представители прессы и радио, а также правительственны лица, и як я с женом ишол до иммиграцийного бюро, он мене увиділ

и ище раз махнул руком, и як говорил до радия, застановил свою промову и сказал “до видзенья пану”, так што всі люде в Польші чули, як зо мною прощался.

ВСТРІЧА В ВАРШАВІ

На аеродромі ожидал на мене цілковито незнакомый человек, редактор и писатель польской литературы. Я знакомый с його племянниками, што живут в городі Бриджпорті. Они його повідомили, што приїзжаю до Варшавы, и он пожелал дати мні всю возможну услугу, штобы перевести свою роботу найточнійше в державных отділеннях. Разом мы поїхали до готелю Бристол, где переважно остановляються всі туристы, што приїзжают до Варшавы.

Интересным єсть и я мушу признати тото, што в том готелю знайдете людей с цілого світа, як из Индии, Пакистана, Египта, Индонезии, Китая, Кореи и много других крайов. Всі они приїзжают, як торговельны представители, або як университетскы студенты.

Только што пришли до назначенной комнаты, мі принесли телеграмму от о. Иоанна Полянського, штобы непременно быти в понедільник рано о десятой годині во Вроцлаві на лемковском собранию, котре скликали нашы молоды лемкы. Из Варшавы не так легко достатися в неділю до Вроцлава, бо колейовы бюро запераются в субботу о 5-ой годині, а поїзды в неділю и аеропланы не курсуют. Первый поїзд рушат около десятой години в неділю вечером. То я рішил вынаниати автомобиль и выїхати о 4-ой годині рано, штобы прибыти до Вроцлава на час. До того треба было сильной волі, штобы пуститися с незнанным человеком в темну ночь в незнану дорогу в чужом краю и в ненормальном положении, ище человеку с Америки. Я над тым думал цілый вечер и цілу ночь. Не хотіл сказати своей жені, што мене тревожит. Але на счастье приїхал из Кракова до мене Петро Фецица и я йому сказал, што я замыслил зробити. Он не дал мі жадного отвїта, а каже: “ходите тут до нашего человека, што працює в колейовом министерстві, може он постаратся о билет”. То мене ище горьше затревожило, бо я почувствовал, што он не потягат за тым, абы я іхал автомобилем в ночи.

В неділю вечером мы поїхали отвидіти Теодозия Хиляка и с ним познакомитися, а также от обох узнати, як стоит справа с нашим народом. От них я получил много информации, а переважно, як относятся высшы чины до наших обставин.

В неділю завитал до мене секретарь министра Рапацкого,

Ришар Майчик, и предложил ми свои услуги. Я объяснил йому, што я рішил выїхати на три дни по между наш народ и обознакомитися с обставинами. А його я попросил, штобы постарался мні о аудиенцию у Министра Рольництва, с Министром Народовых Меньшинств и с Министром Справ Религийных. Також просил його, ци бы мог постаратися ми о аудиенцию с Гомулком. Того он не обіцял зробити по ріжным причинам, а як я узнал позднійше, там мал засідати пленум, то видно, был дуже занятый приготовлением программы и других текучих державных справ.

С секретарем Р. Майчиком я вюл довший час розговор, бо знаючи, што у нас на Лемковщині в Флоринці и других селах жили наши русскы лемкы под тым именем также. Также жие много нашего народа тут в Америкі под тым именем. Хотя я робил всі заходы связати його с нашим народом, он не признался, але был добре освідомленный с положением нашего народа и дуже сочувствовал, штобы йому помочи по нашей програмі, яка його заинтересовала. В той нашей програмі он виділ не только помочь нашому народу, но и помочь польским селянам, котры живут на Лемковщині. Наша помочь зможе их порозуміти и злучити в єдну братску громаду, котра дружно може поднести себе економично. Та ненависть, котра на Лемковщині существує против нашего народа, може там быти устранена. Того желают многы польскы лидеры теперішнього правительства под лидерством Гомул-кы. Он сам рожденный в Кросні и знає наш народ, його историю, насильне украинизование священниками, засыланними на нашу землю епископом Перемышльским Коциловским, котрый постановил зничити на Лемковщині всі народны культурны организации и замінити их украинскими.

ПОДОРОЖЬ ДО ВРОЦЛАВА

В понеділок 21 октября, рано о четвертой годині мы выїхали с Варшавы до Вроцлава. Дорога была покрыта густым туманом, особливо по долинах, и наш автомобиль посувался дуже помалы и осторожно. Треба было уважати, штобы не налетіли на людей, што поєдинчо, то цілыми шнурками спішилися на роботу до міста. Єдны ишли піше, други на роверах, а гдекотры автомобилями без світла.

Там люде встают до работы надодньом, штобы на час поставитися на роботі, бо роботники с браку помешкальных домов по містах, мушены мешкати поза их границями. Так ранний туман, як и тлумы робочого народа встрімували нашу подорожь.

Мы переїзжали через села и місточка, а то дало нам можливість розглянутися, як ранном пором народ готується до свого штоденного труда, як на селах в господарстві, так и по містах и місточках. Життя по містах вызерат бідно, люде задумчивы, як бы боялися о завтра, каждый пильнує сам себе, все спішится. Трамваи набиты народом, люде чепаются дверей або окон, и висячи с боку, стараются достати до работы. Убранья неконечно бідне, но с лица и будовы видно, же не голодуют. Дівчата, жены и мужчины полны в тілі, лица червены.

На селах инший вид. Видно села гдекотры богаты и зажиточны. Господаркы провадятся мудро и планово, там земли оброблены и засіяны. Таке село сейчас познате, же заведене по остатных вимогах господаркы. Но видно села, где видно нищету, хаты не впорядку, обыйстя нечисты, статок, начинаючи от коней — худый. Зараз видите, што тут господаруют люде с міст, котры перше николи сельского господарства не виділи. Попали на господарство випадково и не знают му порядку. Таким людам напевно невесело, а смутно жити. С незнання, або неохоты до работы, пхают біду с дня на день, напевно, же все до горшого. Таки люде мучат свою фамилию и будут нарікати на тяжке життя.

Я мушу признати, што ведение земледільства дуже заотстале в поровнанію до фармерства, веденого в Америкі.

Выше упомянуты суть всі польскы села, бо наших людей ніт помеж Варшавом, а Вроцлавом. Там самы добры и урожайны земли, то такой землі нашому лемку просто не мож доступити.

Подорожь до Вроцлава взяла нам ровно 6 годин, то значит, што на 10 годину мы были в місті. Нашли мы наших крайнов и разом зашли до поміщення Украинского Общества. Поміщение просторе, занимает пару комнат. Видно, што в Обществі ведеса добра господарка, бо взорова чистота.

Там на нас уже ждали пару десять наших людей, переважно всі молоды. Говорили нам, што як бы мали больше часу, то на собрание пришло бы соткы наших старших людей, што желают и домагаются поворота на свою землю на Лемковщині.

Наперед, чым было открыто собрание, мні было интересно познакомитися так с старшими, як и молодшими людьми. Мі хотілося узнати о их переживаниях, о переселенію, о отношению до них на тых землях, от місцевого народа и о их видах на будуще на тых господарках.

Из их розговоров я вынюс таке своє впечатліние, што

наша молодежь, скоро подросла, оставляла село и уходила в міста, штобы там меже незнакомыми скрыти свое национальное походжение, абы предохранити себе от преслідування шовинистичных групп, котры в лемках виділи “украинских бандеровцев”. На селі лемковска молодежь не могла показатися меже людей на предприятие, забаву, бо на ню нападали польскы шовинисты, начинали битку. Много таких биток окончилися дуже трагично. Были и такы выпадкы, же уккрыты украинці, котры, штобы отвернути от себе увагу, бо удавалися за поляков, тоже нападали на лемков с криком “бий украинцуф”!

Житья для старшых на селах было дуже трудне. Никто за них не старался. На военных розваленисках и на подлых пісках мусіли дораблятися хліба, быти на сторожі свого житья от нападков и терпіти всяке унижение. Меже старшыми утвердилось переконанье, што их тут переселили по свою смерть. Из старых мало кто остал в живых, всьо перед часом вымерло. Меже ними трудно встрітити старшого человека, або женщину, а знаме, што лемкы в своем большинстве доживали в своих горах поверх 80 до 100 літ своего житья. Старшы люде, выбиты из сил, сцяраны; люде в віку около 60 літ вызерают стариками, лица поморщены, очы глубоко позападаны в голову, бесіда повольна. Видно, не лем тілесне вычерпание, но и духовне пригнебление без права людского, без справедливости. Отзываются до вас с чувством раба, без надіи в будущность. Йому говорят о социализмі, о його практичных засадах, но бідный человек не може тому вірити, коли он под ним так страшно без причины страдает, он солнца не може видіти через свои закислы от голоду и нужды очы. Он плаче и просит ратунку. Йому кажут быти поляком, католиком, то може даколи йому поліпшатся.

Едну надію, котра мене радувала в том пригнетающем окружению, то была наша молодежь, котра сохранила любовь до своих родичов, котра видит кривду своих краянов. Она не упала духом, она не думат вынародовлятися. Всі тоты молоды нашы люде жаждут справедливости, они жаждут своей литературы, газеты книжки на своем материнском языке. Розуміют свое положение и быстро ориентируются, кто им приятель, а кто враг. Они хотят будувати свою будущность так, як сами наилучше розуміют. Они способны на то. Многие из них мают высшы школы, и длятого на них есть надія, на котру мы, нашы діды и прадіды долго ждали.

Гріхом было бы, як бы мы не дали руку помощи тому страждующему народу и их молодым дітям, котры представ-

ляють будучність нашого племені. Соціалістична система повинна гарантувати право на розвиток кожного найменшого племені в її державі. Тото право належиться і нашому народу і лем тота молодежь може подняти голос о право для своих родичов, для своих братов и сестер и для самого себе.

БЕСІДИ С ЛЕМКАМИ ВО ВРОЦЛАВІ

Перед открытием собрания мі притрафілося побесідувати с єдним крайном, котрый засылає просьбы до властей в Варшаві о позволение вернуться до своего села, до своего дому. Он росповіл мі свою смутну историю, котру для приміра приведу.

Коли його выгнали из господаркы на Лемковщині, то у него были два коні, 6 коров, 3 ялівкы, 1 бык, 4 свині и 50 кур. В сусіку зерно, в коморі картофлі, масло, сыр. Из родины стара мати (отца забили бандиты под лісом), 4 дітей и жена, здѣрова, охоча до работы. Коли был выданный вырок выселения, його житья в том єдном дню было зруйноване. Мати його зо жалю за родным селом захворіла и за тыждень умерла в дорозі. Поховали єй коло дороги под деревами, а самых погналі дальше. Из своего доробку взял зо собом дві коровы и єдну яливку, метер зерна и 4 мішкы картофель, горнец молока, масла и 4 хлібы. Тісто на свіжий хліб остало заміщене в діжці в дома коло пеца. Жену, не хотівшу оставити хату, милициант ударил кольбом так, што замліла. Непритомну взял на руки и выкинул до воза. Слова в своей обороні не мож было сказати, бо чекала нас смерть. Страшный жаль огорнул мое сердце, як я ище не рушил с мого обыстья, а осадники уж сварилися на розділі мого майна, на моих очах. Двое свиней и быка взяли, а коровы и яливкы поутікали до поля зо страху.

В єдном дню мене знищили. Воліли мене огньом спалити. Посмотртеся на мене, як вызерам. А был я хлоп недавно, за двох косил. По сто кильо картофлі под паху брал. С мене был хліб для родины и для державы. Теперь я 52 рокы старый. Теперь я дзяд. Зуба нит в гамбі, згорбленный, ревматизм мя ломит, жена померла, а потом и дитина померла. Трое доросли, то пішли до міста на роботу. Дом, где я жил, тамтого року завалился. Перешол я до стайні жити разом с коровом и коньом. Земля млачиста, лем жабы в ней выводятся. Внет тому два місяці и стайня завалилася, забило мі коня. Осталася мі лем корова, то ем єй продал и пришол ту до міста. Ище не окончена моя дорога. Хочу вернуть на Лемков-

щину — мене не пускают. А я хочу там докончити мою дорогу життя. Знищили мя, одобрали мі всьо перед часом, то най позволят вернутися, то буду мати случайность хоц повіситися на свойой яблони, котру я сам своими руками посадил, штобы родила овочы для мене и для моих дітей.

Може вы мі не вірите, — продолжал свои горькы слова наш лемко, — в уряді вірят, але не хотят чути голосу распачы. И я не сам такий. Нас так розбитых, споневвераных, юграбленых с маєтку и людского достоинства тысячы ту на выгнаню. Ту сте, то их можете видіти...

Человік вскинул руками, як бы просил о помсту, закусил воргы, лице залялося слезами. Гнівнo отвернулся, сіл на креслі и блескучима от слез очами смотрілся на солнце, котре продералося с поза хмар.

ЛЕМКОВСКЕ СОБРАНИЕ ВО ВРОЦЛАВІ

Послі єдногодинной перервы с подорожы, котру я выужил на обзнакомления ся с присутными, Предсідатель Общества Василь Шост открыл собрание и попросил присутных внимательно выслухати мою бесіду, а также и программу Лемковского Релифового Комитета из Америки для несения помочи тым лемкам, котры будут вертатися на свои родны земли на Лемковщині.

Мушу замітити, што Предсідатель Общества показался мі свідомым и енергичным человіком, всеціло отданным для справедливого рішення вопросов будучности лемковского народа в преділах Польской державы.

В мойой бесіді я сказал приблизительно так:

Я приіхал тут до вас на тоту чужу так для вас, як и для мене землю на западі Польской державы. Нашы предкы не думали, што подобне несчастье постигне вас. Ани мы, ваши братья в Америкі, не предвиділи того, же даколи приде так меже славянскими народами, што єдны станут гамувати ход и розвитие свого власного культурного життя и життя своих собратов славян, с котрыми ділили долю и недолю на протягу многих столітий нашы діды и прадіды.

Свобода вашой державы, в котрой теперь жиєте была осягнена для всіх народностей и национальных меньшинств, заселяючых ей, а не лем для державной народности, и была она сдобыта не лем самими поляками. Наш лемковский народ тоже принимал активну участь в той боротьбі, то в рядах польской армии, то в рядах партизанских, и в рядах Красной Армии, без помочи котрой не было бы днешньої свободной Польшы. И ваше переселение створили не тоты новы демо-

кратичны силы, котры wyborили тоту свободу, а стара шляхта, котра укрылася под того имя, влізла в Робочу партию Польши, штобы достати довірие, а так заняти уряды, котры даколи занимали их кровны отцове шляхтиче. При помочы шовинизма, католицизма и национальной ненависти вас переселили не за даяку вину, не для вашого добра, а для вынародовления самых лемков, для створения монолитной державы без национальных меньшинств. Так днеска никто державы не буде, кто жичит добра ей розвитку. Знате єдного такого лидера, котрый будувал так само монополитну Германию без жидов, без славян, без католиков. Тот лидер в ненависти к другим народам распутал другу світову войну, и хоц як модерно был вооруженый, то и так барз планно на том вышол. Ера будовы монолитных держав была прикончена разом с ним. Днеска народы будуют демократичны и социалистичны державы, але угнетение национальне, яке, наприклад, вы терпите, не має місця нигде инде на світі.

Тот шовинизм, национальна ненависть к меньшим народностям доводит до великих недорозуміній и окончательно веде каждую державу до трагедии. Мы николи не мали ненависти до своих сусідов поляков, с котрыми мы жили віками, хоц нераз с их стороны терпіли сме унижение. Мы теперь не хочеме польскому народу зла и в имени того вам всім треба домагатися направи причиненной вам кривды. Вы сте найсильнійшы в том вопросі, бо вы сте покривджены, и вы повинны того зробити, инакше шкода вам называтися лемками. Мы с Америки можеме лем вам помочи, но перед мусите вести вы сами.

Николи и ничего не робте перед лицом своего правительства — тайно! Кажде діло, каждую вашу кривду покажите вашому правительству открыто и сміло. За правду николи не стыдно боротися. За даякий час ваше правительство, може быти, неправильно поинформоване о всіх кривдах ваших, єсть введено в заблуждение по вопросу лемковского народа, но с другой стороны ваше правительство постоянно буде старатися поправляти кривды нашому народу, розуміючи того, же если лемко буде держатися покривдженым и пониженным национально, то ктоси другой буде то саме причиняти и самым полякам, бо то уж так єсть природно устроено и того змінити не можна, того доказала много раз в минувшині наша славянска история. И длятого, под вашим напором, я певный, што Польске Правительство перше, або позднійше, розгляне вашу кривду и справедливо ей вирішит, бо вы всі, то — граждане державы Польской, и если гражданин єсть кривдженым,

то и держава терпит таку саму кривду, а часом и большу. Вы працюете тут в Польской державі, вы платите податки, даєте своих сынов в армию, вы на своих плечах утримуєте всю тягость державы так, як и каждый наилучший гражданин польской народности. Так вам не треба николи бояться, а сказати открыто то, што вы думате, же есть справедливе для всіх, а не лем для вас самих.

Ваша держава будуєся на основах социализма. Мы знаме социализм, як форму равноправного трактування народов, входящих в його союз. Так, як ту оправдати таке положение, як у вас есть, жебы една народность панувала над другом и так в страшный способ кривдила и угнетала тоту меньшу народность. Ту мусит быти явна перед цілым світом несправедливость, и длятого, коли я ту приїхал, я хочу поговорити с тыми людьми, от котрых зависит ваша дальша судьба и глядати общего способу выпроводити вас с того тяжкого положения и с такой стыдной для них ситуации, в яку вас запровадили. Я ту так в вашем интересі, як и в их интересі.

Наилучший примір Польске Правительство може взяти собі от Советского Союза. Там тоже переселили дакотры кавказскы племена, котры в часі войны помагали не державі, а німцам. Але Советске Правительство вернуло их в родный край, отдало самоуправление в их руки, школу им позволило на их родном языке, дало им свободу на развитие их народной культуры. Так будуєся социализм! А вас уж десять років тримают без доказу вины, а себе называют социалистами, свою державу социалистичном.

Нам говорят, што поворот нашего народа на Лемковщину неможливый, бо там засіли осадники. А кто их там привюз? Ту, преця, на заході не бракувало для них хат, ни господарств, ни земли. Чом их тут не осадили, бо они же были в дорозі из Советского Союза? За вину должен тот отповідати и кошта покрыти, кто зробил тоту помылку. Ци тот осадник мал больше знания, як треба вести господарку в горском районі от ей предвічного господаря-лемка? Як лемкы там жили, они задоволяли нужды містецкого населения хлібом, мясом, опалом и всім, што горска земля могла дати. Днеска осадники жебрют и просят, абы правительство их кормило. И ци то мудра така господарка?

Мы в Америкі жиєме под капитализмом, званым вами системом експлоатации робочого народа. Но мы не чули, абы наше Правительство выкидало фармеров с фарм, або работников с их домов. Мы маме право мати свои церкви, свои школы, якы лем хочеме. Никто ся нам до того не мішат,

коли лем заплатиме свой податок. У нас таке нікто не виділ, штобы отобрали єдному хату, а дали другому. А с вами зробили то на велику скалю.

Польский народ, будучы на вашом місци, николи бы того не стерпіл. Он кричал бы под небеса в обороні своей свободы. Вы не должны никого силити до повороту, кто не хоче вертатися на Лемковщину. Лемкы, котры хотят, могут остатися тут на Западі, но котры хотят вертатися, то тых воля должна быти выполнена, они мают на то полне право. Вы сами глядайте собі людей меже собом, до котрых мате довірие и припоручте им роботу, най за вами стараются и провадят вас в свою отчизну. Мы с Америки можеме грати лем побочну ролю, но мы готовы выполнить, што от нас буде залежало. В той справі и мы хочеме видітися с вашим Народным Польским Правительством око-в-око. Я привюз зо собом программу, яким способом и якыма средствами матеріальными мы думаеме вам помочы и дати вам початок при повном загосподаренію на Лемковщині. Я прошу председателя нашего собрания уполномочити о. Й. Полянського прочитати вам наше прошение и программу помочы, котру мы приготовили для вашего Правительства. Я увірений, што вы будете с нашей программы задоволены, а як будете мати замітки до того, будьте добры высказати их.

По прочитанью, меморандум и программа помочы были приняты с великим воодушевлением всіма присутными — молодыми и старшими. Были и такы, котры заплакали с радости, што работа рушена с місця, на котру они чекали десять років.

По довшой, обширной дискуссии нашими молодыма лемками было закрыте наше перше лемковске собрание на польской земли. У всіх было видно радость и увіренность в начату роботу.

Бесіда моя продолжалася полторы години и была рекордована на електричном аппараті. Послі собрания лемковскы жены, подобно, як и ту в Америкі, приготовили угощение, послі котрого мы роспращалися. Я был так глубоко тронутый встрічом с любимыми краянами, што сам мусіл заплакати, бо мы росставалися не як знакомы, а як братья єдного отца и єдной матери.

Около 3-ой години послі обіда я попрощал всіх присутных, оставил помещение общества и рушил в дальшу дорогу до Кракова, где нас ожидали лемкы, котры живут в городі и його окрестностях.

ПОДОРОЖЬ ДО КРАКОВА

Дорога до Кракова тоже не была подходяща для скорой їзды, бо много господарей верталося с города возами, и каждый старался достати додому якнайскорше, то дорога была непроходима для автомобиля. Мы їхали дуже помалы и осторожно.

Дорогы добре будуваны, не горьше от наших тут в Америкі. Их будували німці для скорого передвижения армий против Польши. Города, через котры мы проїзжали, модерно будованы и видно много великих и малых заводов, но што в них вырабятся, трудно сказати, но выгядат, што многы стоят пусто. Німці будували их для свойой потребности и по свойой специальности. Як были примушены их оставляти, то машинерию выбрали в свой німецкий край, а с тым и свою практину и науку забрали, а голы стїны фабрики остались, як без души и розума. Полякы, котры приходили там жити, были люде містецкы, або сельскы, без индустриальной практики. Управляти тым и працювати не было кому, ани не было у кого научитися. Так многы стоят пустком ище и до днеска.

В тот вечер мы не досталися до Кракова, а мусіли заночувати в Катовицах, аж во вторник рано мы рушили до Кракова. В Катовицах мы хотіли поснідати и зашли до реставрации. Скоро позасідали за стол, то приходит до нас служащий и коли чул, што я с отцом Йоанном говорили по своему, то як бы го горячом водом кропнул. З великом неохотом нас обслуговал, так што мы мусіли выйти из реставрации, недокончивши сніданья. То само случилось в других городах. Коли я озвался до своего извощика по-русски, всі с кухні вышли на нас смотрїтися. А были в реставрации и німці, то они их не интересували. Мене интересувало, яку услугу мы получиме по таком привитанью. Принесли нам росол. Я не вірю, што то был росол, а просты помыи, чого мы и не ткнули. Мясо и картофля, як видно, была варена тыждень тому. Хлїб твердый, як дерево. Не мы, але наш шофер проклинал такой порядок.

Нам говорили, што там много осілося осадников из бывшой Восточной Галичины. Плачут за Львовом и другими русскими городами. Там их житья было лекше.

Як оставили реставрацию, мы рішили перейти коло памятника Мицкевича. О. Йоанн пошел в єдну сторону, а я в другу гядати улиці, на котрой живут наши люде. На дорозі я встрїтил женщину, што ишла тротуаром, бесїдувала до себе. Видно, што в ей молодом віку была красавица. Теперь

она старушка, тяжко вигарувана. Руки, ноги попухлы, обутья подерте, дротом позв'язуване, а на плащі, где посмотріл, то діра. Она чогоси глядала. Люде на улиці ей не інтересували, як бы их не виділа.

Я не стерпіл и заговорил до ней:

— Чого вы, мамо, глядате?

Она стала, почала заглядати мні в очы, як бы мя хотіла познавати, а потом звідуюся:

— А кто вы? Як вы мене знате?

Я усміхнувся до ней, бо хотіл смягчити ей серъозный вид лица:

Я вас не знам, але чую, што по-лемковски бесідуєте, то я до вас одозвался, бо и я лемко.

— Откаль? — быстро хотіла знати она.

— Я пришол из Америки и глядам за нашыма лемками.

Она подошла ближе до мене и просится, ци я знам дуже людей в Америці, об и она там має сестру Пазю, што пішла до Америки ище малым дівчатком и не зна, где теперъ жие, або ци жие. Сестра пішла до Америки, а ей мама отдала за богача, то остала дома в Крыници, а як их выгнали, то она утекла до Кракова и ту жие уж десять років.

— А где ваша родина? — звідуюся.

— Ой, добрый человек, не звідуйтеся, бо сердце болит, але мушу вам повісти. Малам мужа и трое дітей, добру господарку. Мене люде поважали, бо я была добра газдыня. Діти были в школах, училися добре. Пришла война, пришли німці с єдної стороны, украинці с другої. Их ксьенжа забрали учити моих дітей учити политики украинской и так их одичили. Отец был тоже против того, то пришли по него в єден вечер, заарештувати, же берут го на два дни, но до днеска го ніт. Повіли, же пішол до німця на роботу, то жебы и дівка пішла за ним. Забрали и дівку и до днеска за ню не знам ничого. Сынов повербували до січовиков и там их поубивали. А я стара ходжу и чекам от Бога смерти. Скаре Бог тых ксьондзов єзуитов за их дьявольску роботу.

Я сягнул до кишени, вытягнул злотых и дал ей, абы заспокоила хоц на час свои нужды, попрощался и спішным кроком одышол к нашому автомобилю, где на мене чекали и не знали, што со мною сталося. Виділ ем, же она ище долго стояла с грошами в руці и смотріла в тоту сторону, где я одышол.

То была перша моя встріча с нашыми людьми близ Лемковщины.

Автомобильом мы зашли на улицу, где жили наши лю-

де. Имен их не подаю, бо то не потребне. Теперь такой світ. Но тут я узнал, што мают много материалу о том, яку страшну судьбу пережил наш народ и точны доказы, кто тому виноватый. Прийде час, што то все буде выявлено.

ПОДОРОЖЬ НА ЛЕМКОВЩИНУ

С Кракова мы вырушили до Горлиц, бо хотіли увидіти, як теперь Горлиці визерают. Давно там был наш головный лемковский осередок, были лемковскы институции, бурса, каса, кооперативы. В Горлицях того дня был ярмак. Было много возов с поблизких сел, но меже людьми не было чути лемковской бесіды, як даколи. И не выглядали так богато, як даколи лемкы в своих чугах. Все тут бідне, не видно живины до продажы, як даколи. Не видно в людях веселости, все, як заморожене на смуток. С порожныма возами пришли и с порожныма одышли. Нич не купили и нич не продали...

Мы вступили до пару наших фамелий, котры ту живут. Дуже нами урадувалися. Такой несподіванкы не ожидали. В бесіді с ними выявилося, што боліют горячо за нашим выселеным народом, и ждут их поворота на Лемковщину, бо повідают, же горы без нашего народа, то мертва пустыня. То признают теперь и сами полякы, але місцевы, котры жили ту и перше з лемками. Многие из них ради бы видіти лемков назад в горах.

Але там суть другы, котры противятся повороту нашего народа, боятся, што треба буде отдати нашему народу його землю, хижу, школу, церковь. Найгоршыми противниками поворота лемков суть католицкы ксьенжа, для котрых наши церквы представляют незаміниме богатство стародавней культуры. Они позаберали дорогоценны річы с церквей, понищили алтари и иконостасы, в котрых изображены культурны таланты лемков в малярстві, різьбі и архитектурі.

С Горлиц мы пустилися через Ясло и Кросно до Санока. Город Ясло цілковито перебудуване, бо было німцями до чиста знищене. Теперь тот город побудуваный наново. Там ище жие много нашего народа, але мы не мали часу остановлятися, бо хотіли достатися до Санока ище в тот сам день.

В Кросні мы стали повечеряти и проіхали цілый город, глядаючи реставранту. Но такого не было, так мы вернулися назад на рынок. Там в углу была отворена корчма. Тото місце они там называют реставрантом. Коло того реставранту было так много пьяных, што мож было их на драбняк брати, и то всі молоды люде. Вошли мы до той корчмы. В середині накурено, што світла не видно. Пьяна моло-

дежь сидит при столах и каждый мірят нас очами от ног до головы. Прислуга така сама, як и публика, што тут заходит.

Нашли мы порожный стол, сіли и чекаме. Дівчата літают една поза другу, а нами совсім не интересуются. Я пару раз остановил дівча и все мі повіли “почкай пан, чего съе так пану спьешы?” Так мы чекали дость долго, но наш шофер што хвиля вылітувал на двор посмотріти, ци колеса суть ище в автомобиле.

Нарешті по долгом жданью пришла дівчина дати нам услугу, но з горы заявила, што як ся мі не любит, то можу выйти гет, бо она робит мі велику ласку, што пришла ку нам. Я ей перепросил по-польски и мы зарас сприятелилися.

Зарас по вечері мы рушили в дорогу до Санока, а так, як у нас не было дуже часу подорожувати, бо в четверг рано мы мали быти в Варшаві на аудиенции в Министерстві Рольництва, то мы мусіли вертати, абы на час там быти.

С тяжкым впечатлінием и смутком мы оставили город Кросно, наш старый, в истории знаный город, хоц там жила больша часть польского народа, но сам город окруженный лемковскими селами, котры кормили и давали йому житье. Лемковскы села привозили хліб, мясо, опаль, в чом город нуждается. До дому верталися с фабричными продуктами. Так тут водилося за наших дідов и прадідов.

Днеска по тых селах не учуете лемковской бесіды, ани лемковской пісни, котрыма мы радувалися в радостны дни, а потішали себе в смутны часы. Там теперь жиє чужий нашому языку, нашим традициям народ. Тоты церкви, школы, народны дома, для них чужы, не знаны. Они смотрят на то, як на ворожу культуру и повольно нищат сліды нашего житья. Насуватся на мысль стара пословиця: кто сігат по чуже — своего нигда не мае... Я розглядался по тых селах и запримітил, же села, котры от войны повинны были поднятися — подупали. Дома не чисты, дороги болотисты с яругами, ніт кому привезти шутру и выровнати дорогу, господаркы занедбаны, плоты порозвалюваны, дахы на домах діравы. Лем з рідка увидите дом в взоровом порядку.

Я не мог нияк погодити и поровнати даколи счастливое житье с тым, яке я теперь оглядал своима власныма очами.

ПРИІЗД ДО САНОКА

В тяжкых думках мы доіхали до Санока. Тут мы начали розглядатися за улицями, на котрых были даколи готели, абы заночувати.

За моих часов в Саноку были два готели, добре обору-

дованы, чисты, все полны життя. Там все можна було видіти много интеллигенции: купців, гостей, што приїзжали с далека. Кавярні и реставрации переполнены народом до поздна в нocy. Ціле місто кипіло полным життьом. Таким живым, кипучым я представлял собі город Санок ціле мое життя на емиграции.

Теперь, коли мы вступили в город, мене огорнул страх, што тут сталося. Я не нашол того життя, яке я виділ в своих мыслях в цілом мойом життью.

Город слабо освічений, не велика ріжниця от Кросна, хыбаль лем тым, же п'яных не видно. Улиці порожны, без людей, ніт реставрации, а навет кафитерии, ніт тых добре оборудованых склепів, што обслуговували товаром потреби населения. Русска Бурса, што виховувала десятки ученых людей, стоить, як мертва деревина. С Русской Торговли, лем домы світят дірами. Дом, где поміщалася касса "Бескид" стоить лем для истории, яко забыток. Даколи он служил народу в його штоденных потребах, як культурна и финансова инсти-туция, где працювали люде с народом и для народа.

Ніт там молодежи, ани наших студентів, хлопцев и дівчат, красиво убраных в школьны униформы. Бывало, послі науки они выходили на прогульки и свойом образованом по-ставом надавали культурного виду цілому городу. Теперь там така мертва тишина. Город спить, народ покритый в ньом.

Стали мы перед готельом и вступили в середину. Кажут нам, што заняты всі комнаты. Выслали нас до приватного до-му, где мы заняли цілу комнату. Властитель того дома есть старый обыватель Санока, родом поляк, занимал велику по-саду в старом правительстві, а теперь йому не дают роботу, бо суть молодшы. Жиєся му дуже тяжко, жалує за нашим на-родом. Говорит, што если есть Бог, то за тоту кривду, яка учинена была нашому народу, повинен когоси покарати... Нарікал на украинців, што по-звірски обходилися з народом, робили німцям фальшивы доносы на невинных людей. Не хотіл бесідувати больше, не довірял нашому шоферу, повідат, што в Польші трудно дакому вірити.

Мы вышли на улицу глядати знакомых, бо для нас час короткий. Ходиме по улице и не зустрічае никого. Смотрю на годинку, ище завчасу, 9 година. Зашли мы до аптеки. До нас подошла особа и мы ей спросили за таких и таких лю-дей. Тота особа зміряла нас уважно своима очами, покликкала нас до канцелярии, взяла телефонну книжку. Смотрится раз в книжку, раз на нас, як бы хотіла штоси пытатися. Нашла номер, позвонила до него, а так подала нам адрес дома. Мы

подякували той особі за услугу и вышли с аптеки. За нами вийшла и тота особа. Показалося, што то наша людина. Ёй дуже интересовало наше присутствие в Саноку. От той особы мы узнали дуже много за життя наших людей в городі.

Наш друг вышел на зустрічу нам. Встріча была дуже трогательна по так долгом часі. Мы могли ище раз в життю увидітися, побесідувати о життю нашего народа, за котрым он так боліе, но жадной помочы не може му дати, бо он еди-ниця, брак организованой помочы. Он уж не мал надіи, же до него ктоси приїде с Америки узнати про наш народ и глядати способу, як бы му помочы. Признался, што ночами думає над тым, ци приїде година счастья для нашего народа, ци встане кто в його защиту. Мы говорили долго, до поздной нocy. В нашей бесіді было порушано много горьких вопро-сов, якы стоят перед нами, предложившы всі услуги свои для той работы.

Выслухавшы його рассказы с вниманием, я предложил йо-му, абы занялся историчным описанием нашего народа, от початков сенацийной Польшы, гитлеровску оккупацию, робо-ту украинских проводиров, а тоже польских, партизанску оборону нашей молодежи против Гитлера, о павшых жер-твах, приход Совітской Красной Армии на Лемковщину, пе-реселение в Совітский Союз, о украинских бандеровцях на Лемковщині, примусове выселение лемков на запад. Кто вину-ватый, же невинный народ выселено? Якы условия встрічают наши люде, котры теперь частично вертаются на свои земли?

С таких материалов тут в Америкі должна быти напеча-тана книжка, як документ кривд, невинно зділанных нашому народу и на вічну ганьбу тым, котры то запричинили.

Мы говорили до 1 год. вночы. Вышли на улицу, а мысли непокоят нас, ци ище даколи увидимеся живыми, а ци наш труд принесет радость нашому народу, котрый так горько опла-кує життя в своейой земли. Переходили мы коло церкви, до котрой віками горнулся наш народ в неділи и свята помоли-тисся, послухати чудесных хоров, подкріпитися на духу. Вспом-нул я, што еден из студентов-хористов стал Маршалом Совіт-ской Армии Евгений Федоронко. Он привюл артиллерийскы от-ряды до Санока, штобы го очистити от Гитлера и освободити Польшу и ёй и наш народ. Теперь тота церковь стоит закры-та для нашего народа. Не замкнули тоту церков на колод-ку большевикы, не Зельманы, а католицкы ксьенжы-иезуиты и не дают ёй отворити.

Жители Санока подали прошение до католицкой управы. Под прошением подписалося выше 300 наших людей, но жад-

ного отвѣта не получают. С того видно, што ксьенжа тут маюť велику силу, а не народ. В газеты выписуют долги статьи с плачом, што они потратѣли церкви в Подкарпатской Руси, на Пряшевщинѣ, в Галичинѣ, бо там всьо перешло на православие, то за тоты церкви они хотят забрати в свои руки нашы лемковскы церкви. Єдны церкви позамыкали, другы переробили на костелы, а стары церкви, котры были нашыма культурныма забытками, порозберали и попалии. То было зроблено по приказу костела, а то всьо, абы затерти слѣды по лемках.

Мы ишли под гору в сторону рынку. На рынку нам пришол час прощатися. Мой друг заговорил:

— Видите, на том куску земли с незапамятных часов лялася кровь нашего народа. За то слабо описуе наша история, а то уж и за наших часоѡв десятки наших передовых мужов положили свои головы. В часѣ Первой Свѣтовой войны тут привозили наших селян, интеллигентов, священников, избивали их тут, тортуровали и оттуда высылали до Талергофу, а убитых на кладбище на вѣчный отпочинок. Пришла Друга Свѣтова война. Польша распалася, як банька на водѣ. Знова нас пришли спасати гитлеровскы слугы зо всходу и знова тот кусок земли был покрытый убитыми тѣлами нашего народа. Тут нашим людям пришли на помочь полякы и єврей, и с того куска земли тысячы єврейов и поляков были выпроважены на смерть в Любянky, Освенцим, Дахав. В тоты часы русскы, полякы, жиды — называлися братьями.

Теперь тут жиє польский народ, його Социалистичне Правительство. Лозунг його: ровность и свобода всѣм народностям! А ци так єсть?

Мы бы там говорили цѣлый тыждень, но час на отпочинок, бо рано треба отвидѣти других знакомых, поговорити с ними и завербувати их до общего труда.

Так мы распращалися, стисли крепко собѣ руки и с слезами в очах прирекли вѣрность своему народу до полной побѣды.

Мы пришли до свойой комнаты, положилися спати, но сон не приходит. В мысль приходят всѣ истории, якы тут отбывалися в прошлом, безпокоит будучность. От чого почати и где повернутися завтра. Кого увидѣти из знакомых на самперед, абы прискорити свою роботу, и абы наиболее пользы забезпечити на будуще. Само перше постановил зайти в родне село увидѣти родинный дом и приклонити голову на гробѣ моих любимых родителей, поблагодарити им в молитвѣ за то, што выслали мене в свѣт в молодом вѣку, не побоялися,

што загину меже чужыми народами. Я маю за што быти вдяч-
ный, бо всі мои ровесники уж не живут. Они погибли в двох
світових войнах, котры мусіли переживати. Иншы были сни-
щены недостатками и перед часом сошли в могилу. То было
мудре рішення моих родичей забезпечити мое життя.

Вставши рано, я увиділ, што на дворі уливный дощ. Пе-
решкода, подумал я. Не буду мати можности достатися до
свого села, штобы ище раз в життю, быти може остатный раз,
увидіти хату, в котрой я родился, могилы родичов, бо там
непроходимы болота.

ДОРОГА ДО РОДНОГО СЕЛА

Нам пора выбератися. Попрощали мы господиню дому
за так щиру и приятну услугу для нас, а переважно для мо-
йой жены, бо обложила ей подушками, як в княжом домі. На
улици наш шофер уже обтерал машину и приготовил в даль-
шу дорогу. Мы пустилися на село. По дорогах завалено сель-
скыма возами, што съїзджалися на ярмак до міста. Возы, коні
и люде показували незабытну нищету. Возы были дуже під-
лого выробу и маленькы, коні малого роста. Я нигде не виділ,
абы кто іхал двома коньми, як то бывало найчастійше в ми-
нувшом. Видно, што таких господарей там ніт. Люде убого
посбераны, не так, як за моих часов; хлопці и дівчата, госпо-
даре с женами посбераны чисто, еден перед другим показу-
вал своє богатство в конях, в возах, в красивом народном
крою, с богатством своих продуктов. Теперь на бідных лю-
дах видно страх, нужду. Бідацтво приковуе их к землі.

Мы отвиділи найперше нашого доктора. Коли вошли в
його канцелярию, то там уж сиділи хворы люде с ріжных
околиц. Мы не хотіли заберати його часу, то подождали, аж
пока перепустил хворых людей, так мы мали больше часу с
ним поговорити. Но за тот час я воспользувался бесідами с
хворыми: откаль они и як проживают в своих селах. Из бесід
я порозуміл, што то нашы лемкы, котры даяким чудом оста-
лися в селі. Еден росповіл нам, што до його околиці вернуло
28 родин из Шлеска. Сельский уряд не пускат их до своих хат,
же суть заняты, а то неправда. Хаты стоят пустком. Една фа-
милия с четверыма дітьми жиє в його стайни. Другы перехо-
вуются, где кто може, где яке скрытя найде перед дощом.
Но теперь приходит зима, то я не знаю, што люде будут ро-
бити. Кажут тым людям забератися назад откаль пришли.
Но они не могут, бо там ничего не мают. Кричат тут на них,
же не хотят нияких украинских бандитов. Казал, што до села
Команьча вернула фамилия, то ей до родной хаты не пусти-

ли. 30 осадников запротестували, што як тота фамелия остане жити тут, то они покидають свои господарства, а што с тума господарствами станесе, они за то не ручат. До Сянічка вернуло 2 родини, также не допустили их до хаты. Вернулося много в декотры другы нашы села. Гдекотрых приняли, а гдекотрых ніт. Тот народ, котрый повертат, то барз збідуваний, діти примерають голодом. Жиют в обставинах, на якы не можна найти слов, штобы пояснити в достаточной мірі и порозуміти то условие житья.

Коли пришла на нас черга ийти до канцелярии, то мы попрощали того молодого человека, подякували за щирую розмову с нами. Прощаючися с нами, он был дуже рад, же чул свою бесіду свободно перший раз за десять літ. По своему говорят лем по тихы, голосно по своему перший раз говорили с нами.

В канцелярии доктор познал отца Полянского и дуже был урадованый його видіти. Он уже чул за нас, бо вість о нашем приїзді рознеслася по цілому Саноку.

Разом мы поговорили дость много, но скоро, бо в почекальни ждали хворы люде, так мы не хотіли заберати много часу. Но и он дал нам слово, што готов помочы нашому народу, абы раз на все рішити тот трагичный вопрос о судьбі нашего народа. Оттуда мы поїхали до нашего старенького священника, котрый был долги роки гимназиальным катехитом о. Йосиф Секержинский. Он также ожидал нас и дуже был рад, што отвиділи його старенького, 88-рочного. Но зато чуе себе здоровым, памятливым и активным. Каждого дня иде до шпыталя, где в каплици служит молебни хворым. Перше приходило на тоты молебни много нешпытальных людей наших, но потом шпыталь заборонил таким людям приходити. Пускают теперь лем по двое людей. Он старался, абы открыти русску церковь, то отказали му. Сказали му польскы ксьенжа, што откруют, але всі доходы буде заберати римокатолицка церковь.

На таке предложение он дал им отвіт, же уже за старый трудитися для них.

Я оставил о. Полянского с о. Йосифом, а сам начал глядати своей родини, котра осталася жити в тых окрестностях. По дорозі я встрітил старенького человека, котрый жил в том городі за молоду, мал свой столярский варстат. У него працювало много людей и он славился своими виробами на цію околицю. Он знал добре мого тата и братов, чул и за мене, што я приїхал до Санока. Не думал, же встрітит мене на дорозі. Мы с ним побесідували о минувших часах. Каже мі-

старик: “До Першої Світової війни в Саноку самым лучшими ремесельниками были наши люде, столяре, ковалі, слюсаре, шевці, кравці, будовничы, різьбярє, золотники, колодии, мясарє и пекарє. Крім них были и другы, але они не равналися лемковским майстрам по профєссии. Они славились своими фаховыма выробами на всю Галичину. В Перву Світову войну майже их всіх забрали до Талергофу, откуда многы не вернулись, а котры вернули, то не мали больше здоровья и в скором часі попрощалися с нашим світом. Жаль было слухати, як наш поп украинец співал на их похоронах: “Вічная память” на нуту “Гоп, мои гречаники”. Радувалися, што уходят в вічність наши стары патриоты, но сами не постаралися выховати новє покоління, як належится. Длєтого не мож замолчати, абы не вспомнути минувшу историю нашей церкви, а переважно о єй роли в Перву и Другу Світову войну.

В Первой Світовой війні был настоятелем той церкви К. Константинович, заілый враг нашего народа. Його доносы и доносы священника Макилиты из села Сянічок заслали тысячы наших лемков до Талергофу, або были росстріяны на місци. Тым они оба зробили велику услугу Австрии. В своей подлой роботі, абы усунути из Лемковщины так зваными “кацапство” послі войны насылали на Лемковщину украинских целибатов националистов, абы просвіщати лемков. В своих проповідях в церкви не проповідали Христовє учение, а остро политичны промовы против тых, што не ишли за ними. Своими науками они вводили роздор меже народом, пускали брата на брата.

В Другу Світову войну Перемышльска диоцезия была розділена. С єдной половины была створена перший раз Лемковска диоцезия с своей канцеляриом в Рыманові, с примасом Масцюхом, котрый был ворогами отрутый. На його місце был наставлений Медвецкий, котрый управлял лемковскими церквами аж до прихода гитлеровских армий. Под натиском гитлеровского военного штаба он был примушенный отказатися от своего поста, а на його місце епископом был назначений Малиновский, як примас Лемковщины. В Перву Світову войну тот “примас” был капитаном в австрийской армии, и активно участвовал в знищению “москвофильства”, за што послі войны нашол тепле місце при греко-католицкой церкви, при чом служил гитлеровскому правительству, яко доносчик. Коли уже стал примасом над лемковскими церквами, то при помочы січовиков выслал всіх священников русского переконания в тюрмы, а интеллигенцию и селян ареш-

тувал по цілій Лемковщині и вивозил их до Люблина, откуда больше не верталися.

Розуміючи, то што буде його ждати от народа, он рішил утечы враз с гитлеровскими армиями до Германии, а с собом забрал и всіх своих прислужников, а наша греко-католицка церковь осталася без управления и тым способом подпала под управление римо-католицкого костела, котрый позамыкал наши церкви и розгромил всі наши культурны организации.

Ище перед розгромом гитлеровской банды Совітскими Армиями, тут наши, а теперь ваши, бо всі поутікали до Америки, Германии, або Англии, выполняли на Лемковщині безконтрольну "культурну" роботу. До Санока што тыжня привозили дівчат на курс украинознавства и як добре здала экзамен, то одышла с "дипломом" малого гетмана, або гетманки. А як утікали с німцями, то дітей оставили на руках родичей.

Старик розговорился, як бы читал с книжки и не можна было перервати йому розговор, бо хотіл высказати всьо, што го боліло и тяжило на сердци. Но наша зустріча мусіла кончитися, бо час нам умыкался под ногами.

По дорозі до родного села я вступил ище до своей краянки и до стрыечной сестры, котра, як мене увиділа своим радостным криком всі куры в селі насторожила. Свою сестру выслала по ей мужа, а с краянком поіхали мы до села Юровці на кладбище, где спочивают кости моих любимых родителей.

Села, котрыми мы проізжали, не были так веселы и красивы, як колиси. Хаты не білены, окна дошками позакриваны, не видно жадной веселости. Люде чужы нам и сами собі и житья чуже.

Стали мы у воротах кладбища. Я глянул и не хотіл вірити, што там суть похоронены люде, наши дороги предки, котры своими слезами орошували тоту землю. Гробы позарастали деревами и дикыми бурянами так, што пройти не возможно. Памятники поперевертаны, кресты поламаны, трава не кошена уже десять років. Корінья дерев обняли трумны наших отцов и матерей, як мать свою возлюблену дитину и поднимают их под верх. Сама природа старатся показати любовь до тых людей, же тут жили даколи и веселили край.

А тут кругом живут люде, котры называют себе культурным и религийныма, приклякают перед Богом и просят го о милость про себе. Идут в поле сіяти, знимахт шапку, шепчут молитву, просят всевышнього о благословенство, щастье и добробыт. Но лінуются підти на кладбище, обкопати гробы,

насадити цвітов, поправити кресты, або поставити новы, заступити тых людей, котры не по своей воли ани вині мусіли оставити родны дома и землю, и под военным конвойом, як невольники были погнаны в чужу им страну.

Отнашол я гроб матери и ступил ближе. Нога запалася в болото так, як бы сама природа хотіла сблизити мене с тлінными останками мойой матери. Таких гробов тысячы по нашой Лемковщині и навет дикой вороны ніт, абы заскреготала над гробами наших предков и близкой родины.

Я оглянулся в сторону нашой церкви, той красивой звониці, с котрой мелодийны голоса знов вzywали народ до отпочинку и молитвы. Я не хотіл вірити своим очам, што нашолся человек, котрый посміл обрізати на ней трираменный крест, як птаху крыла. Тот теперішний крест не принадлежит до ней. То есть зроблено с нехристианской злобы, абы зробити насмішку над нашими народными и религиозными чувствами.

В Перву Світову войну по роспаді Австрии пришла Польска армия, а с ньом генерал, што роскватеровался в нашом дворі. Армия пришла в нocy, то пан генерал мог спати. Но рано, коли розглянулся по своем покою и узріл трираменный крест, зарычал он, як звір с приказом, абы достати бляхаря, зараз зняти тот крест. Войскова прислуга запрягла коні и погнала до міста по бляхаря. Привозят його, он посмотріл по церкви и каже, же он не буде його снимати, ани обрізувати, бо он його там не поставил. Люде, што го там поставили, знали найліпше, який он має быти. То сказал жид-нехристианин, а христиане другого исповідания не мали только чести, ани сумління, што иновірник. Як бы то зробили большевики, то цілый світ бы о том знал. Католики бы кричали под небеса. Но коли сами обрізували крест на мойой церкви, то робилося на "славу божу".

Мы увиділи в том невидане богохульство, святотацтво, образу людской чести. Мы отвернулися и отъїхали обратно до Санока, штобы роспрощатися с знакомыми и вернуться в Варшаву.

Приїхали мы до о. Йосифа Секержинского, а там у него ждало на нас кілька особ. Отец Секержинский угостил нас. Послі чаю и перекускы и взаимных розговоров, мы рішили выбратися в дорогу до Варшавы, штобы там быти на рано. Дорога долга и незнана. Наш шофер выбрал дорогу через Кросно, Ясло, Ржешов, Радом и Кельце. Из Санока до Варшавы около 450 американских миль, и треба добре спішити, штобы достатися до Варшавы и ище отпочнути.

ПОВОРОТ ДО ВАРШАВЫ

Попрощавши всіх присутних, мы рушили в дорогу. Мене поинтересували околиці от Ржешова аж по Кельце и Варшаву, бо то стара польска земля, не змішана с другими народно-стями. Их господаркы лучше устроены, города чистійшы, богатшы склепами и обзаведены лучшими товарами. По народі видно, што задоволеный зо себе. Не видно понурых, норвовых, не видно бідацтва. По містах поправляють улиці, видно новы будовы. Выглядат так, што народ певный себе, то и має надію на будуще, будуєся.

В Кельцах мы рішили повечеряти. Сказали нам, што найлучша реставрация в готелю Бристолю, так мы заіхали до него. Музыка грає, молодежь танцує, всі веселы, но як попередно, так и тут прислуга не интересуєся гостями и с неохотом прислугує. Брак практики, управы, дисциплины. То губит в собі репутацию и слідовательно прибыль. Така реставрация у нас в Америкі закрыла бы ся в день свого открития раз на все. Отпочивши хвилю, мы выіхали с города. Належится дати признательность всім управляющим машинами на дорогах. Всі выполняют дорожны правила честно и осторожно.

Около години 1 пополночы, в яких 30 кильометрах от Варшавы, на дорогі появился долгий ланцух возов, што іхали с ярином и садовином на ярмак. Возы заполнены капустом, картофльом, морквом, ябками. Фурман сидит на возі и поганят коня, а женщины идут піше за возами.

Показалися світла Варшавы. Моя жена повеселіла, тішится, што кончится наша трудна подорожь счастливо и в добром здоровью. Скоро вступили до готелю, мы, не тратячы часу, положилися до сну, штобы на рано встати свіжими и выпочнеными.

В четверг рано коло 11 години приходит до нас Ришард Майчик. Он предложил нам дві аудиенции: одну в четверг о третьей годині послі обіда в Министерстві Земледілія с директором кабинету Зигмунтом Вариха, а другу в пятницу пополудни в Министерстві Віроисповідания с начальником Департменту И. Кириловичом.

В МИНИСТЕРСТВІ ЗЕМЛЕДІЛІЯ

Наша встріча с директором габинету Варихом отбылася в присутности о. Йоанна Полянскогo. Мы пришли там о 3 годині пополудни. Он уже ожидал нас в присутствии двох молодых людей. Мы представили себе и по коротком часі нас пять человек были объединены едныма думками, як бы мы

знали себе давно. Всіх нас лучила една мысль: як направити справедливо вопрос великой трагедии нашего народа. Розуміне и чувство к справам нашего народа Дир. Габинету Варихы говорило моим чувствам, што он сам напевно походит из бідного народа и розуміє його нужды и потребности. Человік высшого образования, спокойного характера. Вопросы и отвіты його были полны логики и переконання, с чого видно было, што за ним не только наука, но и много практики життя. Його выводы о господарстві сильно мене заинтересовали и мушу признати йому господарско-економичну зрілость. Яко отвітственный урядник на своем посту в його интересі есть, абы найменьший кусник земли його державы не лежал пусто. И длятого и программа Лемковского Релифового Комитета о помочы його заинтересовала. По короткой и приятельской бесіді я дал свое предложение, в какой ціли я приїхал от нашего народа в Америкі до представителей Польского Правительства. Я высказался в тот способ:

Уважаемый Директор Министерства Зигмунд Вариха!

Я уже информувал Вас с цілями мойого приїзда до Вас. Я яко еден из соток тысяч нашего народа был примушенный эмигрувати по чужых краях, глядати средств до життя. Мы оставляли свои родинны села, своих отцов и матерей, братьов и сестры, знакомых приятелей нашего и польского роду. Нашого и вашого народа судьба есть связана разом. Разом мы жили и разом ділили долю и недолю. То было не лем в краю. Подобне сусідске життя мы ведемe и за морем в Америкі. Працуемe разом, разом забавляемeся, бо вяже нас родинна общность славянства. Мы жиємe в сусідстві, помагамe єдны другим, женимe свои діти. Так жиємe десятки роков. Наши матери и польскы матери научили нас жити в згоді, помагати собі в нуждах. Они не знали читати, але зато тоту науку никто на ліпше не може поправити. Она так добра, што ліпша не може быти и на том всі мусиме погодитися.

И я пришел до Вас с тым намірением, яко представитель от народа до представителей народа найти меже нами общий язык по вопросу той несправедливости, яка была запричинена нашоу народу и старатися загойти рану справедливо. Тото есть потребным, ради лучшей будущности, котра есть ділом всіх нас.

Ніт на світі культурной державы, штобы складалася лем с єдною пануючой народности и єдною руководящой религии. Культурны державы складаются из многих народностей, разных культур и віроисповіданий. То не слабит жадну державу и то не означат, што другорядны по своей численности,

культури і релігії наорды суть унижені. Вони всі можуть мати свободу розвиватися і при том щасливо жити, любитися, уважати себе взаємно і в спільними силами будувати свою державу, розвивати їй общу культуру. Но на таке розвитие, на гармонію і сгоду меже ними, вони мусят мати равны права с передуючом народностью.

Я проїзджал по Вашом краю, а тоже і через землю, с якої наш народ, мои братья і сестры были силом прогнаны из их господарства. Страх поглянути, в яком стані то находится. Я уже не молодик. В свойом житью я много студиювал социальны науки і розумію их, яко систему, котра должна дати бідному народу без розличия його национальной назвы — свободу. Но тот акт взглядом лемковского народа уж никак не можна подтягнути і погодити с программом социализма.

Я і наш народ знаме, што тут кипіло в прошлом. Но оно прошло і с того мы повинны дечого научитися і для того пришол час направити ошибки і затерти сліды шовинизма і ненависти друг к другу, еден народ к другому. Направивши шкоду, народ, на основах полноправия с новым енергиом і силом начне будувати щасливу будучность.

Теперь наши горы пусты, они ожидают своих господаров, што управляли тоту землю долги вікы, знали, што она требуе от них і знали, што они могут достати от той земли за свой труд. Они знают, где што і коли орати, сіяти і садити. Лем такий господар, котрый знае тоту землю і любит на ней трудитися може из ней выдостати дость хліба і для себе і для правительства. Так чом Ваше Правительство тримат тот народ на выгнаню, где он не може принятися за господарку, бо там он не чуе себе певным?

Вина нашому народу не есть доказана, і нигде на світі того ніт, абы за пару единиц, або десяток карати десятки тысяч невинного населения. Особливо то не пристоит таке творити с робочым народом робочому правительству. Мы от Вас не жадаме ничего больше, только то, чого домагали бы сами полякы бывшы на нашем місци. Мы знаме, што Вы призналися до кривды нашому народу. Но призналися до вины, а не направити їй, никому то не поможе. Кривда остае надальше кривдом, і тут иде о то, абы тоту кривду направити. Длятого тут есть потребно выяснити, если кто винен, доказати му вину і покарати, а если ніт доказаельства, треба их оправдати і освободити, бо у нас ніт двох ріжных социалистичных систем, для едной народности инша і для другой инша, еден социализм для правящей национальнойности, а другой социализм до народных меньшинств. Бо если у Вас так

есть, то значит, што Ваша держава есть системом поневоляющих и поневоленных.

Я приїхал тут, штобы то выяснити, розсудити с Вами то-то дорогом культурном, дорогом мира. В той ціли я предклядам программу от нашего народа. Мы хочеме помчы Вам направили тоту кривду справедливо. На той точкі мы повинны найти общий интерес так для лемков, як и для Польской державы. Я прошу принять от нас тоту программу, розсудити ей в таком самом добром намірі, с яким она была составлена. Лемкы так в Польші, як и численна лемковска емиграция в Америкі на вікы будут Вам вдячны.

Выслухавши мое предложение Директор кабинету З. Вариха сказал мні приблизительно так:

Я жалую, што на нашей днешньої зустрічі не мог присутствовати сам Министр пан Охаб. Я мушу признатися, што я мало знал о выселению лемков. Польскому народу не было достаточно выяснено, и большинство граждан нашего краю не знают за то. Аж недавно справу лемков объяснил мні мой дуже добрый приятель, а Ваш лемко Емилиан Мохнацкий. Он у нас працює в Министерстві, и если ваши люде такы чесны и справедливы, як мой друг, то вірте мі, што мы мусиме найти способ усправедливити долю лемков. При Вашей помочы мы сможеме съелектрификувати лемковскы села, можеме дати потребну машинерию, котра дасть помочь народу в його роботах при отбудові.

Сам г-н Вариха говорил долго и докладно по программі. Говорили и оба присутны с ним гости. Говорил тоже и о. Йоанн Полянский. Всі мы говорили с добрым намірением, для добра обох сторон, для добра лемковского народа, як и для Польской державы.

При конци я сказал присутным, што Лемковщина може быти самым богатым крайом Европы, если там навести порядок, поставити госпораку на модерный лад, построити санатории и готели, побудувати дороги и господарскы дома.

Я сам предложил, што я не хочу отвита сейчас на місци, а желяю, штобы нашу программу розглянули подробно в Министерствах и сами розсудили наши добры намірения. До помочы в проведении той работы потребный буде Лемковский Комитет тут на місци в Польші. Мы можеме предложити кандидатов лемковского роду из интеллигенции и селян. Правительство розгляне само листу кандидатов для одобрения. В том ділі, абы кандидаты были честными и лояльными гражданами Польской державы, есть так в нашем, як и Польского правительства интересі. Розумію, што то не буде легка

справа провести тоту напругу через всі державны, воєводскы и повітовы органы, но с добрым намірением и порядком справу можна справедливо вирішити.

Незамітно час так проминул, што мі не хотілося вірити, же уж 6 година вечером. Так мы роспрощалися и розошлися. На порозі Директор Вариха сказав мі, же буде старатися для мене о ауденцію с Міністром Охабом, если буде возможно то зробити.

Розговор с Директором мин. З. Варихом выявил його добры чувства до лемковской справы. Я с отцом Йоанном были подкріплены на духу прихильным отнесеньемся правительственного чиновника до нашего плану помочы Лемковщині. Знаючи уже отношение до нашей справы Заграничного Министра Адама Рапацкого, нам стало приятнійше и у нас укріплялася віра, што справа лемков ище не загублена и при таких людях она може быти справедливо направлена.

В МИНИСТЕРСТВІ ВІРОИСПОВІДАНИЯ

О первой годині в пятницу мы явились в канцелярии министерстві Віроисповідания. Начальник Кирилович ожидал нас и принял нас дуже сердечно и гостеприимно. Отец Йоанн Полянскій йому близко знакомый, то и наш розговор был сердечный, открытый, приятельскій.

Отец Йоанн предложил йому положение наших церквей на Лемковщині, котры суть позакриваны, або отданы римо-католикам. Яко священник греко-католицкой церккви, он указал, што тут в Польші больше, як 50 священников примушены служити по римо-католицкых костелах, в тот час, як наши церкви суть позамыканы. На просьбы и петиции народа высша власть римо-католицкой церккви не звертат найменьшой увагы.

Петиция от нашего народа в Саноку о открытию церкви была подписана триста вірующими, котры живут в Саноку и околицы, не получила и найменьшого увзгляднения. Так проживающий там народ не має можности выховувати своих дітей в вірі и традиции своих отцов, до котрой наш народ привык и наученый ей шанувати.

По наших церквах осталася дорогоценна утварь, котра в большинстві свойом представляе собом историчну вартость. Остали в тых церквах образы и різьбы, выконаны великими и на щільый світ знаными артистами. Єден из таких образов, подаруваный в знак дружеского сполужитья лемков с польским народом генералом Пуласкым русской церкви в селі Снитниця, Грибовского повіта. Лем наш народ мал право

власности до того подарунка. Но теперь и он одобраный от нас римо-католицком властью.

Майже по всіх наших церквах находяться такы историчны памятники, як ручно писаны книги століття тому назад. То есть историчне жерело, важне для будущих поколіний. То всьо отдано под власть або єдного священника иншой віры, котрый нема учутья пошанувати историчну вартость народа другого вызнання, або просто нищится без всякой опікы.

По церквах осталися старинны костюмы, тоже большинство котрых споряджене примитивным ручным способом с высокым артистичным знанием. То всьо нищится и пропадат на наших очах, через ворожу нашої церкви господарку.

Книги, якы осталися по наших церквах таят в собі много историчных правд не знаных историкам. Тыми церквами должна поинтересоватися Академия Наук, котра должна пере-смотріти губящыся материалы для выяснения многих фактов, котры станут ясным доказом, як створилося лемковске племя в Карпатах, их участь и роль розвития польской, русской, німецкой, чешской и украинской литературы. За лемками есть история, котру єдным розмахом пера не дастся затерти.

Лемкы есть живе племя. Як każde живе существо, так и лемкы, мают тоту силу, же чым больше його нищиш, тым он больше старатся сохранить свое существование. Вы вырубате ліс до кореня, но на його місци ище ліпше закоренится и выросне новый ліс. Так само с лемками. Лемкам мусит придти час, як не днеска, то завтра на признание их права на житья меже славянскими народами.

Начальник Кирилович выслушал внимательно наши предложения, скаргы и критику. Он сказал, што на нашу справу он смотрит с той самой точки зрїния, бо она есть правильна. Меже иншим сказал: “Я ціле свое житья выучувал историю славянских народов от кореня. Там на Карпатах крывается не-оціненне богатство нашої старины. Ваша религия, молебени, коляды, напівы належат до чарующых. Я знаю, и я знал много ваших великих людей в церковной службі. Они были на правду переданы душой и тілом той вірі, котру исповідали”.

Много ище Министр Кирилович говорил о нашої церковной истории и ей достойниках лемковского роду. Мі ставало дивно, што человек польской народности так точно и в подробности ознакомленный в ділах нашої церкви и характера нашего народа.

С информации Министра я узнал, што до войны на Лемковщині было 130 церквей греко-католицких, в котрых майже до послідных дней были русскы священники и было открыто

52 православных церквей, котры не допускали до национального шовинизму меже нашими народами.

Мы говорили о будущности наших церквей, котра пока што ище не есть ясна. Он нам дал такий овіт, если бы он был в нашем положении.

Найперше узнати, сколько и котры села, або міста хотят открыти свою церковь и яку: греко-католицку, ци православному, и друге — сділати сбор подписов вірующих, желающих открыти церкви. Третье — созвати собрание представителей тех місцевостей, котры желают свою церковь в ближайшем місті, а четверте — на том собранию выбрати делегатов до Кардинала Вишинского, котрый має ключи до ваших церквей. Пяте — в петиции до него должны быти изложены причины и потребности открыти вашей церкви. Но копию той петиции послати до нашего Министерства, штобы мы знали и были поинформованы с вашим роботом и потребностями.

Як будете домагатися организовано, а не поединчо, то я увірений, што Кардинал Вишинский увзгляднит вашу просьбу. Як не увзгляднит, то дасть вам овіт, почому не може того зробити. Послі того в справу може вмішатися наше Министерство.

Организовано вы можете того довершити. Поединчо не мате силы, абы на вас звернули увагу. Но о каждом вашем началі повідомляйте наше Министерство и информуйте нас о ході вашей работы. Мы выступиме аж тогды, коли всі другы жерела для выполнения вашей волі будут вычерпаны, бо вам відомо, што наше Правительство не мішатся до религиозных справ. Но мы ту на то, абы слідити, абы религия вела свое учение, в котром має полну свободу, но абы не выходила с поза своих рамок.

В канцелярию зазвонил телефон для о. Йоанна. Нам была передана информация, што мы сейчас должны явитися в Министерстві Народных Меньшинств, што непременно нас хоче видіти Директор Деп. Бронятовский. Мы зрадувалися тым приглашением, тым больше, што канцелярия Директора Бронятовского поміщаєся в близкой околиці. Мы рішили попрощатися с Начальником Кириловичем. Мы сердечно його поблагодарили за його щирый прийом и пораду по ділу наших церквей.

В МИНИСТЕРСТВІ НАРОДНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Вышли мы на улицу. Варшава здавалася прекрасна и весела, бо за первый раз мого пребывания в Польші я увиділ солнце на небі. Цілый минувший тыждень было хмарно, па-

дали дожджи и воздух был дуже неприятный.

Мы ишли молчки и розглядали Варшаву, и лем час до часу обмінилися взглядом на себе, або короткым словом, бо в мыслях наших ставали вопросы и удивление о том, як то змінилося положение в краю, хоцбы взяти и державны уряды. Дотеперь всюди нас принимали жичливо, по-приятельски. Всюди мы запримічали, што державны урядники заинтересованы в судьбі и счастью повірених им народов не меньше от нас. За давных шляхетских порядков и бесіды не могло быти о возмжности таких приятельских встріч меже народными делегатами и представителями державы.

Тоты мысли и чувства додавали нам надію и духа, што всьо с добром вольом есть можливе, и што при таких обставинах общима силами и порозумінием нам удасться направити всі шкоды и кривды, учинены нашому лемковскому народу.

В tych мыслях и добрых надіях мы вступили в канцелярию Директора Деп. Народных Меньшинств Бронятовского. Найперше мы представилися дівчині, котра строго зміряла нас очами, встала молчки и вышла до другой комнаты. Через минутку повернула и попросила нас войти в комнату, где за столом сиділ чоловік среднего віка, літ около 40, элегантно убранный. Привитал нас и предложил сісти. Його серьезный, а радше гнівный вид, не потішил нас дуже. Вмісто предложити нам обьяснити ціль нашего приїзду и познакомити го з нашом программом, он сам начал давати нам лекцию, котра была дуже долга. Он не дал нам можности включити наши запримічания. Он доказувал нам, што мы неправильны, што сами не знаме, чого хочеме. Он сам давал вопросы и сам отвічал на них, што он знає всі наши наміры, што мы пришли будувати Русь на Лемковщині, а там уж не можна того зробити, бо там русинов неє лем украинцы, котрых мы выселили. Што тым украинцям на выселению жиєся лучше, мают богатшы земли, господарства, дома до житья, стайні для худобы и всю державну поддержку. Всі они працюют с поляками, як єдна родина и никто не хоче повертатися на Лемковщину. Лем біда в том, што суть пропагандисты, котры ширят незгоду меже нима. Што переселенці научилися высшой культуры, а што на бідных землях Лемковщины теперь суть иншы люде, котрых мы не можеме оттамаль выганяти и переселяти лемков, кривду кривдом направляти.

А по друге, то были украинці, и через то они были выселены. Их польский народ на Лемковщині не прийме, бо они не хотят вічно з украинцями войну провадити; што часы змінилися за остатных 40 літ и назва Русь не выдержала кроку

с прогрессом часу и была замінена “українцями”, так жадных лемков ніт лем “українці”.

Я достал возможность запытатися:

— А як польский народ теперь по 40 роках прогрессу называеся? Мышлю, што польский. То польский народ не зробил ниякого прогрессу за тых 40 літ, же остал называтися по старому?!

Директор Департменту Бронятовский ище долго говорил, так, што мы йому не перерывали больше, мы знали, што колиси он закончит свою бесіду. Но наше лагодне слуханье його чогоси нервувало. Мы смотріли на него и слухали, и дивувалися, яким способом тот молодой человек може представляти уряд в таком важном Министерстві, як Народны Меншинства в демократичной державі и не розуміти народных проблем?

Я пробувал пару раз дати свои запримічания, но пан Директор Бронятовский все казал зачекати. Наконец пришол тот час, што мі было уділено слово. Я сказал йому, што нас мало интересує, як наш лемковский народ называте: русским, ци украинским. Нашой организации Лемко-Релифа ціль єсть помочи тому народу економично. Хоц Вы доказуєте, же йому жиєся добре и он не хоче вертатися, то мы не можеме подтвердити того. Мы знаме, што по урядах повітовых на Лемковщині, воєводских и в Министерстві в Варшаві лежат тысячы не залатвленных просьб от лемков о повороті на Лемковщину. Откаль пан Директор має тоты информации, же лемкы задоволены на Заході, и же не хотят вертатися на Лемковщину?

Пан Директор Бронятовский тогда пояснил, што в Министерстві працуют лемкы урядниками, а так само занимают высшы уряды в украинской газеті “Наше Слово” и организации УСКТ и они передают всі информации в Министерство, бо то єсть их работа слідити за правдом и доносити до уряду. Для того уряд оператся на тых фактах в ведению справедливой политики.

Я спросил Директора, кто суть тоты люде. Як ся называют, бо лем так можеме знати, ци они суть в праві говорити от лемковского народа и представляти го. Так от него я узнал, кто суть тоты люде.

Так из той бесіды сам наш лемковский народ може порозуміти ясно, кто винуватый тому, же справа повороту лемков так несправедливо ведєся на шкоду так правительству польскому, як и лемкам, и кто подал информации Министерству, же лемкы отrekliся своей назвы и стали украинцями,

котрых банды столько шкоды принесли нашому народу на Лемковщині.

Я рішил окончити нашу аудиенцию у Директора Деп. Бронятовского, бо я виділ, што он надалше остаєся под впливом інформацій людей, котры служат посередниками в “Нашом Слові” и Министерством для Национальных Меншинств. При отході, оставляючи йому Меморандум Лемковского Релифового Комитета, я просил його уважно прослідити його и застановитися над ним. Так само я сказал йому, што я не требую натыхмістовой отповіди, покля справа не буде добре розглянена, но я непременно буду ждати отвіта посредством Польского Амбассадора в Вашингтоні. Тут справа лемков не дастся затерти и не окончится без справедливого розрешения. О справі лемков знают тоже в Москві и будут больше подробно знати, так як я там выізжаю, найбільше с тым, штобы освітити тоту справу. Так я його упевнил, што наша зустріча не окончит нашої справи, бо так лемкы в Польщі, як и вся емиграция лемковска поза ей границами кровно заинтересувана о судьбі их братов лемков и родной земли Лемковщины, с котрой они походять.

На том мы розышлися. На прощанье с Директором Бронятовским я заявил, што вопрос нашего народа єсть важный, живой вопрос и он буде подниманый без огляду, як далеко треба буде с ним ийти, покля он не буде справедливо залагодженый.

ПОЛЕТ В СОВІТСКИЙ СОЮЗ

В протягу десять годов мы читали в газетах, чули по радио, або телевизии и устно нам говорили свои и чужы за положение и житьовы обставины в Совітском Союзі. Письмом и словом каждый доказувал по свойому переконанию, або свойому намірению. Єдны старалися представити житьовы условия в Совітском Союзі в найгоршом виді. Другы в лучшом. Мало было таких, котры старалися представити положение всесторонно и практично подати до объяснения правдивого положения житья народа в новой по своему характері державі Совітском Союзі и с новым ей укладом.

Коли я теперь, послі нашего визита в Совітском Союзі, вспомну на всі многочисленны книги и статьи в газетах о Совітском Союзі, то мні здаєся, што я был ними накормленный так, як и стародавныма байками, котры нам дітям в молодых роках старшы оповідали. Не можна повісти тоже, што всьо, што было писане, была неправда. При будові державы с новым общественным устройством попадають ошибки подоб-

но, як попадають они при всякій будові нового підприємства, якого ище на світі не было. Зато не можна винувати тых, котры будують то с добрым наміренням за лучшу будучность. Ошибкы попадають нехотячы, часом возме много часу познати ошибкы, котры часто были закрываны, або и поддерживаны єдиницями с злым наміренням.

И я, беручы за перо, абы написати мои взгляды и впечатлєнія пережиты мною в подорожи до Совітского Союза, не звертаю увагы на то, же ктось заплатит мені добру ціну, або же получу даякы прибыли за мое писанье. Я ділаю то лем длятого, штобы читатели наши узнали то, што я сам виділ и чул. Я старался всьо то, што не было мі ясне узнати и получитьи отвіт на всьо то, што Вас и мене интересує. До Совітского Союза я іхал по двом причинам.

Перва моя причина, то справа нашого лемковского народа в Польші так и в Совітском Союзі. Там я іхал, абы лично представити нашу справу в Славянском Комитеті, и там запознати их с положением нашого народа на теренах польской державы и просити, штобы больше поинтересовалися положением нашого народа на переселению в Совітском Союзі. Я просил, штобы нам были переданы правдивы информации корреспондентами знаючых лемков, их культурны потребности, их традиции, их духа. Нас всіх на емиграции интересує економичне положение и культурне развитие наших родных братьев, сестер и другой родины.

То уже было в звычайу нашого лемковского народа посігати за высшу науку для своих дітей, без розділу, где он живе — на своей Лемковщині, ци в других краях. Для нас есть все радость, коли мы маме доступ до науки. Длятого мене интересовало, якы наш народ в том отношении має можности на переселению в Совітском Союзі.

Друга моя причина была, штобы ище раз увидітися с своим братом и його родином и родином другого брата, котрому не суджено было дожити глубокого віку, штобы мог порадуватися світом, сынами и дочками. Мене тягло родинне чувство, послі так долгих літ житья на чужині. Я хотіл увидіти брата, котрому доходит девятдесятка, штобы йому лично подякувати за його далековидность, же хотя мал перешкоды, то мене в молодом віку выслал в Америку. Он благал мою мать, абы мене отпустила и увірл ей, што я найду свой путь до житья и на чужині, коли для мене нїт доступу до науки в своем родном краю. Зато я лично хотіл йому поблагодарити и ище раз посмотріти, як брат брату в очы и обнятися с ним. Я также взял свою супругу, штобы и она

могла увидіти свого брата и його родину, до котрых она привязана сердцем и душой не меньше от мене.

Будьте увірены, дороги братья и сестры, читатели, што я передам вам як найточнійшы информации и факты того всього, што я виділ своїма очами, чул на свои уха, и што я розсуждал своим розумом.

Говорил я зо старшыми мужчинами и женщинами, с школьними дітьми, студентами университету и с простыма робочыма в Москві, Ленинграді и Києві. Говорил с представителями нашего народа, котры приїхали видіти мене до Києва и старалися, штобы я мог поїхати до Львова, где на мене ждали соткы наших людей, штобы зо мною поговорити, поділитися своїми чувствами и передати их вам тут на американску землю, вам родині, сусідам, с котрыма даколи разом жили и ділили радость и помагали собі в біді. Они хотіли бы поділитися с вами и широко розповісти о трудных часах, котры пережили и похвалитися достижениями остатных пару років.

Тяжко мі буде задоволити всіх, бо если скажу похвальны слова о житью и положению народа в Совітском Союзі, то многы наперед скажут, што я “запродался”, и што говорю неправду, бо они лучше знают, як я, хоц там не были. Другы скажут, што за мало хвалю, бо там о много лучше народ жие, має подостатком всього и жие в великих роскошах и богатствах...

В Варшаві мы уже взяли Совітский аероплан. Аероплан был дво-моторовый и мы сідали в него не звеликом певносьтом. Но коли мы вносилися в воздух, я привыкший до моторов, сейчас запримітил, што моторы працювали справно, и то мене отразу успокоило. Увіренность додали нам своим поведением так капитан, як и авиатор, у котрых было видно уміние и практика, с яком они управляли аппаратами. Прислуга дуже мило и приятно обходилася с пассажирами и старалася всіх задоволити.

Воздушна подорожь заощаджує час, но в воздухі не можете так познати край, як в подорожах по желізной дорогі, тогда есть случайность видіти больше городов и познакомиться с народом. Длятого в дальшых подорожах в Совітском Союзі мы рішили из Москвы до Ленинграду и Києва взяти поїзд.

До Москвы мы долетіли уже вечером. Наш аероплан ожидали представители Интуриста и журналисты. Скоро выладували наши багажы с аероплана и автомобилем завезли в город Москву. наших багажей в Совітском Союзі не пересмот-

ряли совсім, а только дали выполнить бланк, на котром были три вопросы: 1) Ци везете совітскы грошы? 2). Ци везете с собом оружие? 3) Ци везете зо собом опиум?

Мы выполнили тот бланк и подписалися, послі чого поіхали свободно до готелю. Така инспекция мене сильно удивила, што тут так легко обходяться с инспекциом, як нигде в другом місци на світі. И я росказал свому супровождающому, што везу много річей для своих родных, котрых хочу встрітити в Києві. Он дуже задоволено отповіл, што дуже добре и пожелал, абы наша встріча была якнайщастливша. Тоты слова повліяли на мене благоприятно. Я почувствовав родинну радость, што уже тут находжуся меже моим близким мні народом. Тоты чувства охватили мене тым больше, што ище в Польші мі говорили, што в Совітском Союзі строга контроля, и што поберают громадны налоги на привезены річы. Теперь то всьо показалося пустком.

Само перше лучше буде дати мой опись подорожы по городам.

ПОДОРОЖЬ В ЛЕНИНГРАД

До Ленинграда из Москвы мы іхали поїздом первой классы. Устройство и будова вагонов не уступае ничым нашим "пуллманам". Коли мы заняли свои комнаты, мені сказали, што в сусідстві с нами іде славный совітский композитор Шостакович, и для мене припало велике счастье лично познакомиться с ним. Коли поїзд рушил, я вышол на корридор, штобы посмотріти на околичны містности коло Москвы. На тот сам раз вышол из свойой комнаты и Шостакович. Я не тратячи моменту сейчас познакомился с ним. Меже нами завязался живый и многоинтересный розговор. Спрошувал за Америку и индустрию. За культурне житье народов Америки и в особенности, за житье русских и славянских народов. Надієся, што ище колись увидит Америку. В часі послідной войны он был в Америкі и дуже добре познакомленный с Америком в военных часах. Он выразил признательность Америкі и американскому народу за всьо, што было зділано нами в часі другой світовой войны.

За Москвом показалися широки просторы русской земли, так красиво, а нераз и трогательно оспіваной русскими поетами. Видно, што вся земля теперь богата управляется колхозами. Широки пространства, ровно поораны, лежат ище незасіяны, котры поближе деревень, но дальше всьо засіяне озиминами. Земля ровна, но містами млачиста. В многих міс-

тах видно, стояли води. Ліси переважно всі березові. По-нищені ліси місцями показували все ище воєнні рани.

Слідуючого дня рано я знов вийшов на коридор, щоб знакомитися с оточуючими залізну дорогу видами. Сельське життя видно не змінилося багато, гуси, кури, качки всюди можна було видіти по подвірях, а между ними жінчини, котрі их кормили. Села чисті. Дому в багатьох деревнях нові, покриті дахівком, будовані с цегли, но видно багато и дерев'яних хат, кривих по старому соломом. Нераз така бідна хатка напаминат собом древню Русь.

По селах видно церкви, а кругом них взорова чистота. По гденекотрых селах видно и по пару церковей. Школи для дітей просторні мувані, не такі, як були коліси в Росії и других славянських країнах. Ище перед сходом сонця в селах кипіло життя, всі були заняті. Помеже селами видно фабрики, тартаки, цегольні, або кооперативні магазини.

Коли ми подходили к Ленинграду, воєнні рани показувалися выразно. Коло залізної дороги и по полях глибокі ями, як стави. Мні об'яснили, што то німецькі бомби нароби. То остаєся на памятку молодому поколінню, а и заграничним туристам, аби не забывали быстро германску "культуру".

Слідуючого рана слугащий подал нам чаю и сухарів. Был то розговорливый собі и много оповідал за страшні воєнні переживання и нужду. Стратил на війні трьох синов, жєну и дочку. Но он не сам такий, всі пострадали, но не позволили страну погубити. Он гордый, же хоц тым мог причинитися для спасения родины, хоц утратил всю свою любиму семью. Он теперь сам, не хоче повертати навет на свою Волинь, аби не быти близко того місця, где погибла вся його семья.

ГОРОД ЛЕНИНГРАД

В Ленинграді мы поселилися в готелю Астория. Красива то будова. Услуга приємна, реставрація роскошна. Против готелю стоить великий памятник Александра Второго, пониже в праву сторону величавый Иссааковский Собор, правічна памятка величия архитектуры давних часов. В середині його ремонтували, теперь позолочуют всі різьбы, образы и стіны. Пока работа окончится, буде съупотреблено еден тысяч фунтов золота. Я просился, чом употребляют так много золота и тратят столько труда на отновление собора. Мені дали отповідь, што то єсть памятник, рідкий памятник древньої русской архитектуры. Не лем той собор, а всі старинні будо-

вы в Советском Союзе приводятся в порядок и будут сохраняться в память будущих поколений.

Всюду, где лем повернете, то увидите, як тяжело пострадал город. В центре города все дома отновлены, а теперь ведется поправка домов по окраинах города. Сам город красивший, як Москва. Дома новейшей структуры, принимают вид модерности. Город Ленинград расположенный на сотки малых и больших выпс. Мосты соединяют весь город в одну цілость.

Не лем в будові видите діло страшной німецкой военной руки, но в самом населению города. Молодежь в возрасті до двадцет літ пострадала тілесно от нужды и недоідания. Сейчас кинет ся вам в очы их скромный рост и спокойный характер. В лицы каждого из них видите историю пережитого пекла на земли.

В городі Ленинграді много будов. Все старинны царскы будовы замінены в музеи. В них собраны все дорогоценности русской культуры и искусства от непамятных віков. Штобы то все оглянути, треба найменьше три тыждни сбавити, а не три дни. В Ленинграді красуются многы церкви, а самым интереснейшим Невский Собор. Там находится резиденция Митрополита Ленинградского и семинария для обучения новых священников. В середине Собора находятся гробниці русских генералов и князей. Тут похороненый славный полководец А. В. Суворов. В Соборі ведется подчинка с надвору и в середине. Верх покрывают бляхом, но при поправі не міняють старинну форму и сама архитектура остається в старинном вигляді.

Великим достижением города, котрым гордится население и инженеры, то постройка Метро. Инженеры и работники преодоліли громадны трудности, абы построить тоту подземну коммуникацию, под городом полным озер и рік. В некоторых місцях Метро іде на 200 метров глубоко по под землю. То достижение заслугуе особливоу увагы, бо подземна коммуникация заощадила много красоты и достоинства тому историчному городу. Поїзды подземны посуваются с великом быстротом и все переполнены пассажирами.

По за границями старого города ведется громадных розміров постройка новых апартаментов. Все они строятся повздож коммуникационных линий Метро для коммуникационной выгоды населения.

Мы вступили в городскы магазины с убраньом и с поживом, штобы запознатися с цінами материалов и продуктов. Видно, што жителі все выглядят сыты и здоровы, а также

досить добре убраны, так женщины, як и мужчины.

Убранья, як мужеске, так и женске стоит дорого до их заробков. Взяти под увагу, же работник заробит тысяч рублей на місяц, а середне убранья стоит 800 до 1000 рублей, а лучше досягне и до 2000 рублей. Так, штобы набыти убранье, треба робити цілий місяц.

Я просился робочых, як они могут покупати таке дороге убранье и ище мати грошы на прожитья, то они отповідали, што хотя убранья дороге, но помешканья у них надзвычай танье, но при том и убранье треба шанувати так, абы вмісто єдного рока выстарчило на пять, но всі вірят, што с рока на рок ситуація ліпшатся и ціны обнижаються, а с часом буде больше товару и он буде приступнійший для покупки. Жартом мі сказали, што они тым ани не стараються, бо на старунок не мают часу. Тот старунок они оставляют для американцев, бо у них больше на то часу.

Што до споживчих продуктов, то обставины тоты самы. Мясо дороге. Яйця, куры таньшы, а сама найтаньша — рыба, и мні так выглядат, што большинство населения кормится картофлями, рыбами, хлібом и капустом. Но то видно выходит им на здоровье.

Мене ище раз заинтересовало зайти в музей Петра Великого. В отділенію, призначеном його трудам, были стародавны машины, на яких он працювал и выраблял инструменты. Його роботу мож бы поровнати до сегодняшнього шлесаря, с первокрасными машинами, тяжко бы было йому зрвнатися с ковальском роботом.

Коли я приглядался його выработкам, подошла до мене женщина высокого роста, літ около 60 и спросила мене, ци не потребую пояснения, ци всьо для мене зрозуміле. Она познала, што я американец, то ей то больше поинтересовало. Она сейчас вступила в розговор за Америку, индустриальне и техничне достижение американского народа. Высоко розвита, интеллигентна, и видно, походяща из высшой старой русской кляссы. Я из своей стороны получил знамениту нагоду узнати про город Ленинград, про теперішне положение, як тоже о часах военных, о німецком окруженію и обстрілі города. Мое заинтересование ей полюбилося, она зашла в поблиску комнату и вынесла фотографии: вот як тяжко я заплатила за свободу нашей державы и нашего города, то мои дві дочки, обі пропали подчас фашистского окружения Ленинграда. Я стратила сестру, котра на моих руках оставила 12-літнього хлопця. Зима была дуже остра и сурова, люде померали, а город треба было боронити и ийти на фронт, бо німці ко-

нечно намагалися забрати город. В зимі не было опалу, водопроводны трубы не робили, по воду треба было ходити далеко. По днесь дня, не можу порозуміти, як той мальчик пережил то горьке наказание судьбы. Теперь он жив и здоров.

Подобными историями заполненный весь город Ленинград. Не лем гранаты, но холод и голод косил всіх. Но все то незаломило духа геройских ленинградцев, мы поклялися защищати родину и родный город. Мысли той женщины десь залетіли далеко, бо на хвилю остановилася, а потом, як бы отчкнулася от сну, сказала: “Передайте американскому народу, котрый я так люблю, што русский народ не хоче войны, бо он знає, што она несе в собі. Мы хочеме жити с Вами, як с честным и трудолюбивым народом. На алтарь войны мы положили все, што было нам найдорожше, што есть найдорожше каждому человеку — наши жизни, жизни тех, котрых мы наиболее любили.

Час приближался до нашего выїзду в Киев. Мы начали приготавливати все, штобы слідуочого дня было больше часу осмотріти остальны місца, а головно Петро-Павловску кріпость, за котру я читал и співал зложены пісни о ней “солнце сходит и заходит”.

Так мы виділи Петро-Павловску кріпость, котра стоит порожня, но ей каждоденно приходят видіти соткы молодых и старших, а наиболее иностранны туристы.

ПОЛЕТ ДО КИЄВА

Вечером мы вылетіли на аероплані до Києва через Минск. Там мы мали остановитися, но наступил густый туман и наша машина спустилася в Вильно. Там мы переночували, и по сніданю начали ожидать, коли туман прочистится и можна буде пуститися в дальшу дорогу. Но погода дальше оставалася мрачна, а всі спішили в подорож. Там приостановилися машины с Германии, Чехословакии, Польши. Всі ожидали погоды нервово и мы с ними. Особливо мене нетерпеливило, бо там в Києві на означеный час мали мене ожидать родны, мой брат и остальна родина, яка там приїхала из Западной Украины видітися со мною. Коло 1 години в полудне я спросил, где находится капитан нашей машины, штобы поговорити с ним и представити мою справу. Он мене выслушал и сейчас телефонично скомуникувалася с Минском и Киевом, откуда получил розрїшение вылетіти просто до Києва и в протягу 15 минут мы уже были в воздухе. Всі пассажиры были мні рады, што я осмілился поговорити с капитаном и переко-

нати го о мойой потребі, котра вышла на пользу всіх нас.

До Києва мы прибыли около 7 години вечером. солнце своими промінями освічало воды Дніпра и золотисты куполы многочисленных церквей и монастырей. Што за красивый вид столицы Украины и твердыні древной русской культуры! Оттуда поширилася православна віра, оттуда пішла наука для всего славянства. Віками русскы племена будували тоту столицю и защищали єй своим грудью от напору из запада и дикых татаров из востока. Тепер тот Киев красивший, богатший и крепший, яким не был николи перед тым.

В готелю ожидали нас так моя, як и мойой супругы родина. Они ждали на нас с великим нетерпіннем, бо многы из них николи перед тым не виділи нас и тым больше и наша зустріча была радостнійшом. Но она была и трогательном с того взгляду, што мы послі долгых літ розлуки зустрічались не в родинных Карпатах, а далеко от них. Но и тому мы радувались, што зустрічамеся в том городі, с котрым наши сердца вяже наша история, наша віра. Мы кріпко обцілувались, пригорнули друг друга к собі. Мы чулися надзвычай счастливы, вспоминаючи, што десятки тысяч нашего народа, розлучены судьбом, войнами — не мают ани той можности увидіти свою родину так, як нам судилося зустріти нашу родину.

Слідуючого дня з рана мы поїхали осматрювати город и Печерску Лавру. Там працує соткы майстров и робочых. Они выполняют ту саму роботу, што и в Ленинграді в Соборах, ділают подчинку, малюют, різьбят, золотят. Собор Владимира Великого уже припроваджений вполні до порядку, як и десятки других церквей и древных памятников. Университет Шевченка поширяют. Паркы Гоголя и Пушкина чисто оброблены и засаджены разного рода цвітами и деревином. В Музею Шевченка найдете много интересных забытков древной Руси, штуку народов Украины. Дуже красиво, и на мое удивление, богато представлена в том музею лемковска народна культура, особливо різьба и скульптура лемковских майстров. Там показана ноша наших предков, лахы и керпці. Наша Лемковщина дала много советским народам, но сама осталася осирочена. В часі другой світової войны она своими лісами и своими партизанами стала пострахом німецкому фашизму. Потомкы, сынове и дочкы Лемковщины в Америкі спішили со всевозможном помочом и морально и материально. Но тут сполнилася на нас китайска пословиця: єдна мати може выховати сто дітей, але сто дітей не можут выховати єдну маму. . .

Так и наша Лемковщина помагала всім, лем собі не змогла помочы.

Кромі мойой и мойой жены родини приїхали до мене делегаты, представителы тых наших родных, котры суть поселены в Совітском Союзі на Украині. За зустрічу с ними вспомну в особной статы.

Вечером того дня наша родина отїзжала до своих міст и сел, штобы поділитися новостями нашої зустрічы. Так мы попрощалися с ними, быти може — на долголітну перерву. Послі розлуки мы с женом зашли в театр Шевченка. Там ставили оперу Малана из життя партизан в Карпатах. Сама опера артистами была выконана чудесно для тых, кто не зна народ заселяющий Карпаты, их ношу, их пісни, мелодии, музыку. Но для зрїтеля, походящего с Карпат, то не выгядат по своему, бо свіжий сок из мелодий выдушенный, а замінений висококомбиноваными звуками. Хоц співы звучат чудесно, но в них ніт той души и тых чувств, в котрых тот народ вихований. Соткы карпатских мелодий зведены на єдну и вічно повторяну нуту. Я жалую, што мушу так выразитися, но она была далека от того, абы выразити правдиве лице життя народа в Карпатах.

Рано мы знова зашли в город оглянути запримічательности. Заходили мы в церкви, котры были открыты. Священкы правили молебни. Народа было всюда полны церкви, найбільше старших людей и дітей, бо то был робочий день. Много женщин видно, поправляли дороги и по парках пригынали рожевы корчы до земли, приготовляли охорону для них на зиму. Дома уже майже всі отремонтованы, и головна улица Крещатик не смінила свого виду, хоц всі дома были знищенны. Теперь отремонтовали их в стилю стародавной архитектуры. Много новых современных апартаментов побудувано и много ище в постройкі. Так кончилася наша прогулька в Києві, бо мы выбералися обратно в Москву.

ПОДОРОЖЬ С КИЄВА В МОСКВУ

В Москву поїзд отходил о пятой годині послі обїда. То дало мні можность за дня видіти околицю Києва. Видно было, як молодежь начала собиратися по селах около народных домов и клубов. Многы села были освіченны електричеством. Хаты селянскы не отріжнялися своим выгядом от хат коло Ленинграда и Москвы.

Служащий в поїзді, котрый походит из Минска, а теперь живе во Львові с женом, рассказал мні, што сын його инженером працує в заводі автобусов, а дочка учительствує в школі.

Признав, што в початках было трудно жити, украинске население относилось холоднокровно до русских и всяких других народностей, с якими приходилося совмістно працювати и жити. Но теперь часы змінилися. Всі привыкают жити зособом в згоді, націоналістичный шовінізм пропадає, а постоянно растуций добробыт помагат ликвидувати остатки шовінізму національных предрозсудков. Банды січовиков, котры нападали ночами послі окочения войны на мирне население, часто на своих власных украинских братов, абы побудити и их до розоряющей работы, утихаються, всюди спокійнійше жити. Правда, што лидеры тех групп были вылапаны и засланы в Сибирь, а остальне фамилийне население принялося за мирный труд, што причинятся до улучшения их власного положения.

Сам он говорил много о своем власном житью, о военных страданиях. Має он в Америкі брата, но не знає, где жиє. Дві його сестры німці помордували. Йому все ище перед очами история, як німці напали в нocy на село, зогнали население и приказали рыти велику могилу, а так над могилом розставили народ, котрый розстрілювали. Народ падал мертвый прямо в могилу. Той истории он николи не забуде, як невинный народ гинул страшном смертью. Коли прощался с нами в Москві, просил передати привіт всім из Москвы в Америкі, и просил, абы они побольше приїзжали отвидіти свою родину, свою Білоруссию и видіти самым, як совітскы народы отбудовуют свои города и села, господарства, и як учат своих дітей.

ГОРОД МОСКВА

Коли мы повернули, то весь город Москва приготавлился к святкуванью сороковой годовщины Октябрьской революции. Дома и улиці украшались флагами и портретами учителей социализма и теперішних лидеров Совітского Правительства. Готели были уже заполнены гостями и делегациями из всіх крайов світа и всіх республик Совітского Союза. Куда бы вы повернули, то всюды много народа и што раз, то тіснійше наполняли город. В магазинах с поживом, як и в магазинах всякого удобства полно народа. Всі покупают радия и телевизоры. Видно, што у людей довольно грошей для покупки

Вступившы в Москву, насамперед мы обїхали город, штобы познакомитися с його улицами. Мы обїхали многы стары и новы кварталы. Сам город Москва — старинный город. Не далеко до середины центра много старых міщанских де-

ревяных домов. Через тоты кварталы проходят новы широки дороги. Місцями будуються велики апартмент-будовы, по другой стороні улицы остаются малы деревяны хатки, котры ожидают на свою чергу, бо скоро и на их місцях станут новы модерни дома.

При будові домов працує много женщин, так старших, як и молодых. Они муруют, гиблюют, тринкуют, проводят руры и электричество. Работа выходит им досконало, як и мужчинам, в декотрых случаях навет лучше, точнійше и чистійше. Мене поинтересовало поговорити с єдном столярком. Она сказала мні, што дуже рада, же научилася той профессии, котру она любит. Єй муж был столяром и она йому помагала и при том научилася ремесла. Мужа потом забрали на войну, от куда не повернул, а жити треба было. Так тота наука по мужу єй придалася, бо теперь проводит хорошу жизнь, заробок єй 2 тысячи рублей на місяц. Говорила, што много женщин робят на будовляных работах, або выполняют механичну роботу и задоволены с того. Нас тут миллионы и другого выхода ніт, только строити нову жизнь для себе, бо никто для нас єй не построит.

ГОСПОДАРСКА ВЫСТАВКА В МОСКВІ

Мы заіхали на Сельско-Хозяйственну выставку, о чом напишу пониже в короткости.

Всесоюзна Сельско-Хозяйственна выставка в Москві занимает сотки акров земли. На тых просторах красуются надзвычайной красоты павильоны, котры репрезентуют всі 16 республик, входящих в состав Советского Союза. Каждая из них побудована в структурі народа данной республики. Во внутри тых павильонов розложены выставки продуктов, якими славится каждая республика, ци то на поли земледілія, тяжкого и легкого машиностроения, продукции всякого удобства. Тоты выставки свидчат о научном и культурном прогрессі каждой с тых республик. Машины до обробки металлов, на котрых я свои зубы прогрыз, не горшы от наших американских. Роботы на них выходят чисты и точны. Гдекотра машинерия ліпша, як наша, а гдекотра ище ниже нашей. При показуванію продукции працуют переважно женщины и каждая с них говорит пару языками. Всі они кончили высшы техничны школы.

Но штобы свидіти всю выставку, треба провести там найменше єден тыждень, бо в каждом отділенію єсть много интересного видіти. Вас удивит не то, же так много Советскы Республики построили машин, бо и Америка має много ин-

дустрії, но в Совітському Союзі то було побудовано в так короткому часі під натиском світового бойкоту і той страшної нищительної війни. Тут відповідь вашому удивленню, же совітські народи не могли розкошно жити, вони страдали, але будували свою будучність.

ОТВИДИНЫ КРЕМЛЯ

В слідуючих днях, послі посіщення виставки ми отвиділи Кремль, за котрий так багато в світі написано. Не взираючи, як, што і ким написано о Кремлю, он остаєся историчным центром русского і всіх совітських народів. Його старинні кріпости, будови, церкви, то незамінимі наслідства древньої Руси днешньому модерному світу. Там старинні дорогоцінності царей і патриархів, мебель, оружє, одежа, золоті виробы, патриаршы митри, крести, корони с прапорами одобраними от модернізованого нашествія в останньої світової війні, творит єдну цілість, єдну нерозривну исторію. Там находится Совітське Правительство, котре управляє всіма 16 республиками, старатся о их прогресс і світлішу будучність.

Мы тоже поїхали отвидіти новий Университет Ломоносова, тоту чудесну будову, котру подивлят цілий світ. Площа, на котрой он побудований включно с парками займає 380 акров землі. Там учатся выще 20 тысяч студентів из всего Совітського Союзу. От туда выходять они учеными во всіх областях науки і техники. Расположений за Москвом на горах, откуда видно весь город. Университет все ище поширяют, видно добудовуют сторонами.

Вечером мы отпраплялися в театр або кино. В Большом Театрі мы виділи оперу "Хованщина", одна из красивіших новых опер. Як великий і різнообразный театр оперы, можна судити по том, што в ньом працує 600 артистів і 400 робочих. Театр всегда заповнений, трудно получить билет. Присутны в театрах заховуютсь дуже прилично, хоц меже ними суть народности і расы цілого світа. Мы были в оперных театрах в Берліні, Парижі і Лондоні, но нікотры не можуть поровнатися с Московскими операми, так с архитектуром театра, як і внутрішнього устройства, а найголовнійше в самой постановці оперы.

В СЛАВЯНСКОМ КОМИТЕТІ

Скоро мы приїхали до Москвы, я навязался с Славянським Комитетом, штобы представить справу нашого лемковского народа в Польщі і Совітському Союзі. Из Славянского

Комитета пришол мене отвидіти в готель г-н Брадловский и сказал мні, што Предсідатель Славянского Комитета ген. Гондуров находится за границьом и поверне в Москву 5 ноября. Скоро он верне, я буду повідомлений и он постаратся, штобы мені была уділена аудиенция.

6-го ноября рано я получил телефонне увідомление Брадловского, што о 5-ой годині послі обіда Ген. Гондуров прийме мене в своейой конторі.

Так о 5 годині я и представитель лемков из города Львова, бывший партизан Лемковщины, котрый приіхал со мною из Києва, явились в уряді Славянского Комитета. Нас привитал Ген. Гондуров в присутствии г-на Брадловского и Палипчика. Мы предложили справу и положение лемковского народа, не только переселенного примусово в Польші, но тоже добровольно переселенного на территорию Советского Союза.

Мы завязали бесіду, в котрой я широко пояснил, в чом діло.

Меже нашими лемковскими переселенцами в Советском Союзі была перервана всяка связь с их близкими и родными братьями лемками в Америкі, яку они крепко держали многы десятилітия. Лемковский народ в Америкі есть огорченый тым, што не може подавати помочь своейой родині, котра послі переселения, даже при наилучших условиях, нуждается, то в одежі, то в медикаментах. Така помочь есть прямо невозможлива через незвычайно высокы цловы налоги.

Мы в Америкі увірены, што наш народ заслугуе на деяку признательность, бо помимо страшных переживаний в часі войны, остал вірный своему народу. Не можна же до того допускати, абы зрадникам, убіжавшим от своего народа жилося поза границями лучше, як тому народу, котрый доказал свою вірность.

То относится и до нашего лемковского народа в Польші. Лемки дали своих сынов в Красну Армию, в партизанскы отряды, в Польске войско, но послі войны тых самых лемков, партизанов, солдатов и офицеров Красной Армии обвинили и насильно выселили из их прадідной земли. Землю Польске Правительство перевело на себе и ходят слухы, што буде тоту землю продавати. Но лемкам не буде вольно навет купити недавно забрану им силом отвічну землю, бо им не вольно повертати на землю. Тых, котры на свою руку осміляться вертати, проганяют обратно на Запад, где они не мают ничего. Мы уважаме, што то есть и национальна и социальна несправедливость против народной меньшости в державі.

Вы в Славянском Комитеті, быти може, частично обзна-

комлены с положением нашего народа и в Советском Союзе и в Польше, и наша просьба с Америки есть до Вас поинтересоваться теми делами насколько то есть в Ваших силах. В часе последней войны мы организованным способом и энергично стояли за победу объединенных против фашизма народов и помагали материально, што в наших силах было. О том рассказувати не потребно, бо через тоту роботу мы лично знакомы и Вам лично знакомы передовы люде нашей лемковской эмиграции в Америке, коли Вы там у нас гостили.

При том я передал Ген. Гондурову наш меморандум и просил розглянути го, абы сам переконался, ци мы хочеме зла, ци добра.

Ген. Гондуров отвітил, што относительно нашего народа в Польше Славянский Комитет не може вмешуватися во внутренны дела жадной славянской державы, он есть для культурных связей меже славянскими народами. Но он увірен, што Польске Правительство должно розглянути справу лемков и рішити ей, як найбільше справедливо. Теперішне Правительство Польши должно бы направити таку кривду и йому легко порозуміти положение лемков, тым больше, што во главі Народной Польши есть г-н Гомулка, уроженец лемковского повіта. Я увірений, што на Вашу просьбу он вгляне в діло лемков и вынагдогородит лемкам всі обиды, яки были возможно не хотячы зділаны.

А относительно лемков, котры переселилися на территорию Советского Союза, то Вы перший просите о помочь. Наше Правительство старатся дати им всьо принадлежне, и старатся, абы всім гражданам заспокоити их каждоденны потребности. А што до Вашей помочы из Америки, то може найтисся способ обміны подарками так, абы обі стороны были задоволены и лемки в Америке и на переселению. Наше желание не есть розъединяти родных, а сближати их. Если у вас есть организация попровадити діло, то мы можеме устроити так, абы посылки для лемковских переселенцев от родных в Америке посылалися без накрытия цлом.

Мы были приняты в Славянском Комитеті дуже щиро и с уважением. Ген. Гондуров просил передати привіт всім лемкам, котры причинилися с помочью Советскому Союзу под час другой світовой войны. Он вручил мні пропуск на Красну Площадь для присутствия на 40-літном празднованию Октябрьской революции, о котрый я попередно просил. Я приготовил для себе аппарат, штобы взяти колоровый фильм из парада, абы-м мог потом показати нашому народу в Америке и мати памятку из того историчного дня. Послі угощения мы

сердечно розпрощалися с Ген. Гондуровым, с котрым мы познакомилися в Нью Йорку в часі другой світової війны.

ПРАЗДНИК В МОСКВІ

Семого ноября совітскы народы праздновали 40-літне Октябрьской Революции, то єсть и сороклітне существования Совітского Союза. Москва была украшена множеством прапорів, флагов и портретами виднійших своих учителей и руководителей. Улиці, дома и державны здания густо покрыты брильянтовыми світлами, цвітами, лентами и лозунгами за мир и мирне строительство.

Я поглянул в гору на мавзолей Ленина. На нем установилися вожди Совітского Союза, делегаты держав Народной Демократии и цілы группы дипломатов всіх других держав світа. Десятки тысяч народа стройно проходили могучими колоннами, демонструючи достижения во всіх областях людского життя, котре принесла им революция. Другы десятки тысяч народа вышли на улиці и с великим ентузиазмом радувалися новому життю. Мні слезы заляли очы, коли я вспомнул, як тут народ радуєся, а там нашы братья в Польші под науком того самого социализму так несправедливо страдают и заливаются горькими слезами. Им была одобрена радость до життя в их родном краю. При каждой случайности и каждом вспомині о направу кривды их в насмішливый способ кривдят и ранят их чувства. Я только што переїхал тоты окривджены земли, котры даколи были покрыты славом, геройством, стойкостью. Многы гинули, но на зраду николи не пішли. Тоты стороны днеска зруйнованы, унижены, осміяны и подоптаны. Совітский Союз при социализмі росне, будуєся, а наш родный край нищится.

Я знам, што трудно буде запамятати и описати то все, што я виділ на Красной Площади, то взял зо собом фильмовый аппарат в колорах, штобы мати памятку. Так як фильм безперестанно робил, то коло другой години пополудни уж и фильма мі забракло. Я рішил поспішити до готелю по новый запас фильма. По дорозі я встрітил студента Московского Университета. Он начал говорити до мене по-английски, и то таким чистым акцентом, што я подумал, што то англичанин. Спрошувал мене много за Америку, за школы, индустрию, а потом за світову ситуацию. Розговор мы завели дуже интересный и живой.

Тот студент не мог розуміти, чом Америка послі войны отказалася продавати потребны машины для отбудовання нашей державы. "Я знаю, — говорит он, — што ваше прави-

тельство не годится с нашим по идеи, бо у вас строй капиталистичный, а у нас пролетарский... В вашем краю человек, як вы, можете начати свое предприятие и нанимать рабочих, а у нас може то ділати только правительство. А то велика різниця меже тыми двома поняттями. Но зато обі системы могут жити и кооперовати между собой."

Он сам сын лісоруба, ходил до школы учиться азбуки разом со своим отцом. Отец дальше рубат ліс, бо есть знаменитым умільцом той работы. А он ходит в школу в университет на счет правительства. Хоче видіти Америку, читат много наших техничных журналов, любит английский язык и много корыстат через знание языка из практики американской техники.

Из своей стороны я йому рассказал о общественных отношениях, чым он дуже поинтересувался. А при конце дал таке замічание: "Добре, вы можете держатися так, бо у вас много сырых материалов, стали, аллюминіуму и других металлей. Вы добре загосподарены, а в часі войн вы все больше зарабатывали, як втрачали. Но мы войны николи не начинали, а в каждой из них мы втрачали. Но зато мы зме патриоты нашей державы так, як и вы патриоты вашей державы. Вы держите то, што мате, а мы будеме строитися, будувати. Если нова война не прерве нам наш план, наше строительство, то и мы будеме богаты и счастливы, як и вы."

Так думат студент, так думают и того держатся советскы люде. Тота віра дає им силу переживати трудности и ділати прогресс.

Уже начинало вечерити, коли парад подходил к концу. Но народ не ишол по домам, а заполнил всі улицы, и подивлял світляны украшения Москвы. На Красну Площадь высыпалося миллион людей, торжественно убранных, веселых, радостных. О девятой годині со всіх сторон города начались ракетны освічения "фаєрверкы". Над куполистом Москвом с блестящими верхами тоты освічения створили незабываемый вид. Народ ище долго гулял. По улицам всюди было слышно веселы музыкы и співы. Так население Москвы кончило 40-літие того господарского строя, котрый дал йому тоту веселу жизнь.

ОТВИДИНЫ МИТРОПОЛИИ

Слідуючого дня я зашол отвидіти Митрополита Николая. При нашей встрече я хотіл порушити справу помочы нашим православным лемкам на переселению в Советском Союзи. Но його не было в Москві, бо выїхал на отдых. Он мал повернути

аж 16 ноябрю. Так я передал мое прошение секретарю Боевскому, с котрым я мал случайность досить долго поговорити в справі церкви и нашего народа в Галичині. Видно было, што он уже познакомленый о нашем народі. Сказал мні, што для него радость отмітити о добрых чертах и характері нашего народа, он дуже трудолюбивый, честный и религиозный. Лемкы суть дуже добрыми гражданами. Их молодежь береся до житья и до науки дуже охочо. Многы из тых ученых уже занимают высокы уряды в правительстві и в церкви.

КОНЕЦ МОЙОЙ МИССИИ

Наше пребывание в Москві подходило до конца, бо рано слідуячого дня мы выїзжали с Москвы до Берлина, ближе ку своему дому. На аеродромі мы розпрощалися с нашим проводником, котрый нам был назначеный, и котрого мы так сердечно полюбили, за всі услуги, якы он нам подавал так доброжелательно, так в Москві, як и других городах. Небудь його, мы не смогли бы ани половину всего того видіти. Мы отже поблагодарили Николая Арбатского, бо коли мы виділи, што он обзнакомленый зо справом лемков, то нам выяснилось, што он есть личным другом Николаю Цисляку. Коли он працювал в Объединенных Нациях в Нью Йорку, то каждую неділю рано слухал Карпаторусску Радио-Программу, котру голосил Николай Цисляк, а потом лично познакомились, бо жили в сусідстві в Нью Йорку. Их дівчата и хлопчыкы София и Ольга, Андрусь и Вова разом на улици бавилися.

На том я кончу короткий перегляд мойой подорожы так до Польшы, як и до Совітского Союза. Я старался объяснить всі sprawy честно и справедливо. Ниякых дипломатичных подшивок в мойой подорожі не было. Я ділал то, што диктувал мні мой простый, но честный хлопский розум. Я вірю, што лем такой щирої политики от мене можна было ожидать.

Будут люде, котрым моя подорожь не полюбилася. Но дармо. Всім выгодити не можна. Я никого не перехвалювал, никого непереганювал. Што треба было похвалити, я похвалил, а што не вартало хвальбы, я не похвалял. Но повторю на сем місци стару пословцю, же где куют — там искры сыпуться... Мы ударили и наши искры на дармо не посыпалися. Світ, як не перше, то позднійше познат вартость того удару.

Робота наша начата. До сего часу мы были в мутной воді. Теперь знаме, с кым маме до работы и кто на нашей стороні, а кто против нас.

Слідуючим нашим ділом, то созыв Лемковського Конгрес-са, котрый бы рішыл судьбу отрождения нашого народа. Так всі до діла, без ріжниці, до яких церквей ходите моли-тися, до яких клубов принадлежите и до якої політичної партії платите своє членске.

Теперь голос за всіми Вами.

